

Элина СВЕНЦИЦКАЯ

МЕССИЯ

Сумасшедший апокриф

ПРЕДИСЛОВИЕ

От матери нашей Сарры, преподобной и блаженной, повествование. А все, что она, голубица наша кроткая, говорила, пела и изрыгивала, за что об стенки билась, собрала я по кусочку и сложила. Потому что Авраам породил Исаака, Исаак породил Иакова, а кто породил Сарру — покрыто мраком, только известно, что было это в кукурузе. Однако она была, есть и пребудет вовеки, одной ногой на земле, другой на небо вознесенной, ибо есть ли у нее слава — неизвестно, а силы ей не занимать.

Книга эта священная, поэтому расположила я все главы и записки куда попадя, посвященные и так разберутся, а непосвященным оно не надо.

Может, если бы было у меня немного больше ума, я бы сообразила, написала все получше, но сейчас силы мои иссякают, во рту сохнет, а ноги подкашиваются, глаза влажные, а язык обложен, температуру не меряла, но гугаю, что какая-то есть. Но я все-таки хоть как-нибудь добреду-доползу, но донесу святой Сарры нашей, мудростью перепоясанной, всеблагое повествование. А теперь — аминь, потому что дальше чего говорить — не знаю, а закончить не умею.

От автора

Автор, конечно, лукавить не будет, не станет он уверять читателя, что тетради были найдены под кроватью, в корзине для грязного белья или в другом месте. Но он предупреждает со всей серьезностью, что ко всему написанному не имеет никакого отношения и иметь не желает. Однако несет за это всю полноту ответственности, вплоть до высшей меры, на которую и согласен.

Глава 1. ВОСШЕСТВИЕ НА КИЛОМЕТР

А вы представьте теперь меня, Сарру Цвигун, что жила себе в лесу с кабанами и наркоманами. Станцию мою звали тысяча сто восемьдесят четвертый километр, короче, никак ее не звали, потому что как можно звать станцию, на которой нет даже туалета, а за синагогу я уже не говорю.

Представьте, в этом лесу живут одни гои, а гои, сами понимаете, ничего не понимают. Как они могут понимать, что мы все поджидаем Мессию, которая нас уведет-таки в обетованную землю, где не только обеды дают бесплатно? Когда у Бели Собакер родился козленок с четырьмя рогами, мы точно решили, что уже скоро. Но что-то долго ничего не было, пока из Мариуполя не приехал Бенья, не привез целое ведро черной рыбы и не сказал, что там уже другая не водится, а в воде плавают одни фекалии. Я тоже нашла у себя на огороде одну фекалию, но никто так и не признался, а я живу в единственном девятиэтажном доме с лифтом.

А в городе, где я училась в ПТУ строгого режима, тоже жили одни гои и тоже ничего не понимали, только все время приставали ко мне.

- Почему ты опоздала, Сарра?
- Очень просто, я ведь вышла из лесу.
- Ну и что?
- И стояла. Ждала...
- Поезда?
- Нет. Его.

— Ну, значит, поезда.

— Нет, Он — не поезд. А приехала я электричкой.

А я не знаю, о каком поезде речь, если у них в общаге по стенам мокрицы бегают, а одна так точно с хвостом! Они таки выперли меня из своего ПТУ, и я ушла. Ну, я, конечно, не просто ушла, а изошла со своим народом из земли... не помню, какой, кажется, Абрамской, изошла, как положено, с песнями и плясками, по ихнему коридору, помазанному зеленкой, по ихней лестнице, не мытой со дня ее сотворения, и опять по длинному коридору. И, придя домой, затворилась одна и тоже пела:

*Всю ночь кричали петухи-и
И шеями мотали...*

А соседи собрались у моей двери и шептались:

— Но почему же все-таки петухи?..

— Однако же петухи не кричат всю ночь!

— Но значит, надо, чтобы кричали...

Уже хотели пойти за врачом. Но не могли спуститься на землю, потому что лифт ездил туда-сюда... Соседи столпились у лифтовой двери, прилипли к ней ушами и гадали, куда же лифт поехал. Услышали, что он вроде бы на третьем этаже, и ломанулись туда, вниз, но он не останавливался и ехал на девятой, и они опять скакали туда, как стадо агнят, и так они долго мотылялись вверх и вниз, колотили дверь и кричали.

И тут я усекла, что в лифт забрался пьяный. И еще я усекла, что он остановится на первом этаже, потому что однажды захочет выйти. Я вышла на площадку и сказала им:

— Идемте!

И они пошли за мной. Я взяла их и расставила по площадке первого этажа. Они стояли молча. Через некоторое время дверь лифта отворилась. В кабине стоял пьяный Борька из соседнего подъезда. На полу была большая лужа.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я пьяный. Ну, значит, и все, — и хотел выйти. Но ему не дали.

— Это что? — интеллигентно поинтересовалась я.

— Лужа.

— Зачем ты ее сделал? — поинтересовалась я еще интеллигентнее.

— Так получилось.

— Если ты наделал лужу, то ее быстренько вытирают.

— Я сейчас схожу за тряпкой, можно?

Соседи зашептались, расступаясь.

— Фиг тебе! — сказала я, хватая его за рубашку. — Смыться хочешь? Не выйдет.

Вытирай.

— Как?

— Хочешь — снимай рубашку, хочешь — штаны. Это уже не мое дело. Сделал лужу — отвечай.

Он снял рубашку, вытер лужу и бежал.

И тут меня озарило. Я усекла, что таки действительно к нам пришел Мессия, и Мессия — это я. Я, которую даже не пускали в синагогу, которую даже выгнали из спецПТУ, поведу свой народ в обетованную землю. Все класс, это ж ежу понятно, мессия — женского рода. И я сказала своим соседям так:

— Наш лжемессия произнес четырехбуквенное имя Бога, и его прогнали. А я трехбуквенное Его имя произношу сто раз на дню — и все в ажуре. А четвертую букву забываю из чистого презрения.

И я их убедила.

— А что? — сказали они. — Почему бы и нет?.. Она баба нормальная, только малость с придурью, как надо. И по ночам поет...

— Лужу пьяным Борькой вытерла...

И пошли они собирать вещи. И утром явились ко мне узнать, когда же мы отправляемся. Но нужно было ж прикинуть одно к другому, чтоб не облажаться. Потом пришел мужичок из котельной, помятый и с дрожащими руками, он принес мне изъеденный мышами и обсиженный мухами кусок бумаги. Он сказал, что этот свиток нашелся в пещере, что написано не по-нашему, но он сам расшифровал мое имя, только я теперь должна называться не Сарра Цвигун, а Шалбатай Цви, а на самом деле я мужик. А потом робко спросил:

— А почему петухи всю ночь кричали?

— Так бывает перед этим ... как его... Армагондоном.

Мужичок ушел. А в соседнем лесу у нас живут равнины. Так вот, они пришли и принесли Ковчег Завета, перед которым прыгали и плясали все жители 1184-го километра. А равнины качали головами и сокрушались:

— Может ли что доброго быть от 1184-го километра? В пятой книге Иова говорится

про Вавилонскую блядицу... А больше никаких женщин у нас нет.

Не люблю раввинов — они все время посыпают голову пеплом, раздирают на себе одежду и дерутся большими камнями. А лесные раввины ничем не лучше. И пока они пялились на меня, я решила им спеть что-нибудь пожалобнее.

— Господи! — пела я. — На кого Ты покинул меня? Сердце мое поражено, оно иссохло, как собачья кость, потому что я ничего не ем. Я теперь как пеликан в пустыне или как филин на развалинах. Не сплю и сижу, как одинокая птица на кровати. Каждую ночь обмочаю слезами постель мою, утром проснусь — а простыня почему-то мокрая.

Они ушли в свой лес, так ничего и не сказав. Но все евреи 1184-го километра плясали и ликовали, а мужичка, что мне свиток подогнал, я назначила царем над Египтом. У него покупали эту должность за большие деньги, но он не уступил.

Глава 2. ПЛАЧ САРРЫ

...Утро. Станция 1184-й километр. У путей стоят люди — ждут электрички. А со стороны халабуды напротив несется голос:

— Понаехали, крендели! Красивые, умные, а огород потоптали! Чего вы ко мне ездите, чего вы сюда ходите? На Мессию посмотреть захотели? А на холеру ж огород топтать? Да, я употребляла и возливала, но я ни к кому не приехала, я у себя дома и никакой Мессии мне не нужно.

— Она тут уже второй день выступает, — говорят в толпе и понимающе кивают.

— А у евреев был Мессия, — вздохнул маленький желчный старичок. — Но они его не заметили. И звали его Лев Давыдович Троицкий. Плюнул и ушел.

Все-таки когда-нибудь они все вернуться, и я их построю в три шеренги и быстрым маршем поведу на Иерусалим.

Глава 3. СТРАСТИ ПО САРРЕ

Вот привалили ко мне белые братья со своей белой сестрой Еленой Криволаповой. Эта гойка какая-то ненормальная, все время сидит и качается, но мы с ней все-таки поговорили. Представьте, она все время поет про какую-то Вшиву, а когда я ей принесла керосин, то она его вылила мне на голову. Вот и весь был разговор, но потом я узнала, что она вовсе не Елена Криволапова, а Дева Мария, беременная астральным телом Христа. Ну, это, конечно, понты, я же тоже могу болтать туловом и петь.

— Господи! — запела я. — Ну, чего они издеваются надо мной и над Тобой? Или они Нас за идиотов считают, Господи? Ты только представь, Господи, что эта гойка вылила на меня керосин, а Ты же знаешь, как он мне достался...

И я решила свергнуть эту Криволапову и сама стать Девой, беременной этим чертовым кастральным телом. Жалко было этих белых братьев, они такие худенькие, горбоносенькие, с косичками. И я им объявила, что поеду с ними по путям их.

Узнав об этом, раввины из соседнего леса вырвали половину своих пейсов, а вторую половину оставили на случай, если я вернусь опять. Евреи же сказали, что поедут со мной, но это было пока рано, надо же мне было устроиться и пристроиться. Тогда все евреи упали в истерику, они стали рыдать и разрывать на себе одежду, и плач такой поднялся, что разбежались последние звери лесные и скоты домашние. И билась они в истерике, и головами о стенку, и посудой об пол, и опрокинули все кровати, и стало им не на чем спать.

Тогда я и уехала. Я ничего с собой не взяла, кроме бумажки, которую нашли в пещере, да еще чемодан каких-нибудь вещей. И хотела я взойти на престол и стать первой еврейской королевой.

Но ничего у меня не вышло, потому что эти белые братья оказались самые настоящие шлымазлы, они заперли меня в сарай и стали приставать ко мне, чтобы я тоже восславил ихнюю Вшу и вставила ихнюю Раму. А я бы, сами понимаете, восславил, потому что что же хорошего сидеть в сарае, только вошей я уже всех потравила, а рамы отродясь не вставляла — училище не того профиля.

В сарае меня навещал Бог в виде апостола Павла, которого звали Витя, он меня утешал и грозился сделать обрезание.

— Зачем же тебе обрезаться? — говорила я. — Мне и так хорошо. И вообще, это специальный обряд, его делают специальные люди с гигиеной, стерилизацией, вентиляцией, санацией и за бабки. А здесь какая тебе гигиена? Один сарай.

Иногда он был пьяный и стоял на голове в позе Лотоса и все поминал Вшиву с Рамой.

— Они хорошие, — говорил он. — Только шестирукие, и им очень неудобно. Но мне это надоело.

— Хватит! - сказала я. — Или переведите меня в свою веру, или верните меня на мой родной 1184-й километр!

Они посоветовались и вернули.

Глава 4. СОШЕСТВИЕ СВЯТОГО ДУХА

Однако все-таки мне чего-то не хватало. Я бродила между бульжниками, которые понакидали в меня лесные равнины, и думала, чего же мне все-таки не хватает. Как будто бы я какая-то недоделанная или чего лишнее ко мне приделали. Неудобно и грустно, и слезы валяются из глаз. Но где мне найти мою луковицу, чтобы поплакать?

Поплакать не получилось, луковица не нашлась. Но я вспомнила, что каждая мессия имеет свое учение, и каждое учение имеет свою мессию. А где же мое учение, извините, пожалуйста? И чем бы мне, однако, заняться, чтобы учение себе занять? С какого неба оно на меня упадет и куда потом подевается?

Одна мессия ложилась на свое ложе и сразу видела огненный палец, который писал на стенке огненные слова, пока не написал целое учение, это я вам говорю. Только стенка пошкарябалась. Ну а мне что делать? Ведь если даже я и лягу на свое ложе в виде кушетки и покроюсь с головой своей простыней, то можно ли быть уверенной, что на меня снизойдет огненный палец? То есть, конечно, кто-нибудь на меня снизойдет, но где же гарантия, что это именно Он?

И все-таки я решилась. Пошла, помылась, расчесалась, подушилась, покрасилась и легла в постель. И что же вы думаете — он таки появился! И даже вел себя прилично.

— Здравствуй, Сарра, — сказал Он.

— А ты кто такой?

Он подпрыгнул и полетал по комнате. Одет он был в длинные белые материи, а кроме них, тех материй, на нем ничего не было.

Полетав немного, Он завис надо мной в виде вертолета.

— А скажи, Сарра, что ты про Меня думаешь? — спросил Он.

— А я думаю, Господи, Ты мне будешь люстру разбивать, или учение диктовать, или как?

— Что ты, Сарра, разве можно так про Меня думать? Я же Бог Всемогущий, все понимаю, все умею, всех имею. Я ж к вам Сына Своего посылал. Кстати, что думаешь об Иисусе?

— Я так думаю, что Он навроде Тебя, мотается то с небес на землю, то с земли на небеса, а что толку? Он мне будет, что ли, учение диктовать?

— Да не может Он... Я ж Его распял за ваши грехи.

— Но послушай, Его же мы распяли?

— Это неважно! Так вот, Он расплатился за все грехи людей. И значит, теперь люди ему должны.

— Чего должны?

— Долг должны. Христос расплатился за вас, и вы теперь Ему должны.

— А я при чем?

— А ты будешь собирать долг. Кстати, что ты думаешь о Святом Духе?

— Ну, это третий из вашей Троицы, а на хрена он вам нужен, я так и не врубилась.

— Для того и нужен — собирать долг. И если ты это дело берешь на себя — будешь Святым Духом.

— И вот теперь все будут молиться: Во имя Отца, Сына и Сарры Цвигун?

— Да. Только ты будешь Сарра Цви — для краткости. Ходи по тюрьмам, больницам, пионерлагерям, судам и объясняй, что порядочные люди не солгут огурцы в хрустальных вазах и если что-то берут, то потом возвращают. Короче, спасай их.

— Чего это ты, Господи, про людей вспомнил? — удивилась я.

— А что ж Я, лысый? — удивился Он и вознесся с моей постели.

Я заснула. Утром я встала и расклеила по поселку объявления: «Желающим познакомиться со Святым Духом срочно явиться в 107-ю комнату поселкового Совета народных депутатов. Божественный администратор Сарра Цви».

Глава 5. ПЕРВАЯ АПОСТОЛИЦА

И вдруг, прикиньте, ко мне на 1184-й километр случайно из Америки залетели мормоны. Раньше они жили себе на Буденовке, проповедовали в ДК металлургов, крестили новообращенных в местном ставке. Но оттуда их турнуди, и они полетели ко мне.

Мормоны сильно верили в Иосифа Смита. Он был ничего себе, в костюмчике и белой рубашечке. И поэтому все мормоны каждый день носят белую рубашку, покупают себе 365 рубашек на год, а потом выбрасывают.

Так вот, когда ему было 14 лет, этот самый Смит шел себе в белой рубашечке в

свою постель, и на постель к нему подсел пророк Мормон. Мормон был тоже ничего себе, толстый и волосатый, в белой распашонке. Так вот, Мормон вначале съел курицу, которую Иосиф Смит приготовил себе на завтрак, а потом уж сказал, что он Мормон, и Иосиф Смит тоже станет Мормоном, только нужно поскорее креститься. Смит, конечно, поинтересовался этой процедурой, но Мормон объяснил просто: «Вначале я на тебя наложу руки, потом ты на меня наложишь руки, и оба мы с тобой станем первосвященниками и Мормонами». Так они и сделали себе рукоположение и в этом положении пошли пророчествовать о скором пришествии Иисуса Христа.

Но тут оказалось, что нужна еще книга. Иосиф откопал эту книгу за деревней Косоротово в чистом поле поблизости Лукерьиной Балки. Эта книга лежала в ящике из цемента с бустилатом, а земля там была сухая, и над местом тем священным вились бабочки капустянки. Книга лежала внизу, а сверху два камня, которые звали Рувим и Тувим, и с их помощью надо эту книгу перевести.

— Но как же, — спросила я, — можно переводить книгу камнями? Чтобы побить — это я еще слыхала, но переводить... И куда эти камни ложить при переводе — в рот или на голову, или в какое другое место?

— Это покажет Бог, — сказали мормоны. — Но главное — найти свидетелей.

— А зачем свидетелей?

— Чтобы утвердили, что книга подлинная, и подтвердили авторство Бога. Иосиф Смит нашел вначале одного профессора. Он сказал, что у этой книги такой язык, такой язык, ну просто язык не поворачивается сказать, и даже дал в этом подписку. А потом нашел еще одного профессора, и тот тоже дал подписку о невыезде. А когда нашлось восемь профессоров и все они дали подписку, то с них сняли отпечатки и сказали, что хватит.

— Ну и что?

— Теперь ты видишь, Сарра, сколько добра сделал людям Иосиф Смит, ты должна поверить в него и в Мормона.

— Ну ладно, замetano, ваш Мормон мне нравится, но при чем тут, пардоньте, ваш Смит, и на хрена он искал свидетелей?

— Как на хрена? Ведь он же был пророк. Он произвел целую династию пророков. И сейчас у нас есть пророк, адвокат мистер Корнуэли, он уже набрал себе двенадцать апостолов.

Но это меня рассердило.

— Эх, вы, — возговорила я, — пады мормонские! Вы меня вашей кодлой пророков не пугайте. Я сама себе пророк, чего и вам желаю. А апостолов я себе не набираю потому, что набраться я всегда успею.

И мормоны возневались, и опрокинули себе на головы пластиковые стаканчики с водой для причастия, и поклялись вредить мне, где только ни встретятся. Они долго колесили по мариупольским лесам со всеми своими рубашками, женами, книгами, камнями и переносной крестильной купелью. Их обоз появлялся то на 1116-м, то 84-м километрах, они жили в кибитках, жгли костры и обращали всех в свою веру. К ним примкнули церковный хор из Снежного и артистка мюзик-холла Жанна Негодяйкина. Везде они повешали своих афиш, со своей программой христианских вечеров танцев: «1. Чтение книги Мормона. 2. Хор из Снежного. 3. Дикломация». Слово «дикломация» меня прямо выбесило, хотя там было еще и четвертое, которое называлось «пирожки». Я испугалась за моих евреев и, дабы не прельстились они ихними пирожками с дикломацией, решила выяснить отношения.

— Мормоны, нам надо выяснить отношения, — сказала я, придя в ихний табор.

— Выясняй, — сказали они и отвернулись.

Я перекинула у них алтарь, развалила несколько кибиток, в переносную купель напхала сурепки, разорвала все белые рубашки и вытерла ими прах со своих ног.

— Однако, — сказала артистка мюзик-холла Жанна Негодяйкина.

— Между прочим, — отозвалась я, — мне нравится ваша идея насчет свидетелей. Я беру ее себе.

— Не смей! — закричали мормоны.

— Смею и беру, так мне указал Господь. У меня нету книги, но я пожертвую собой и отдамся на экспертизу. Пусть и меня проверят, пусть и мне дадут подписку.

— У меня есть такой профессор, — сказала Жанна Негодяйкина.

— Тогда пойдем со мной, дорогая. Пойдем из этого вертепа, из этого вертопраха, из этого бедлама, пойдем на трассу и будем проповедовать.

— А по трассе дойдем до профессора и возьмем у него экспертизу, — сказала Жанна, — если только она не тяжелая. Но только что мы будем проповедовать?

— Меня, — сказала я и поцеловала ее.

— А дальше?

— Найдется, — сказала я, и она меня поцеловала.

Глава 6. ПОСЛАНИЕ К МОРМОНАМ, ЕВРЕЯМ И ДРУГИМ МЛЕКОПИТАЮЩИМ

И сим посланием посылаю я вас туда, куда люди не ходили, во имя Отца и Сына и моего Святого Духа. Вас, евреев, посылаю, ибо непереносимы вы в большом количестве, и употреблять вас надо понемножку, только в виде примеси. И вас, мормоны, следом за ними, чтобы там вы и искали своих свидетелей. Прочим же людям нет пока моего послания. Но для вас, заблудших и несчастных, буду я теперь Святая Миква. Миква же есть сосуд глубиной в полтора метра, для погружений и омовений. И погружитесь вы в меня с головы до ног, со всеми вашими потрохами и требухами. И омою Я вас своими слезами, и успокою Я вас своей любовью, ибо Я есть ваше единоначалие, священной пленкою покрытое.

Глава 7. ПЕРВЫЙ ПЛАЧ ЖАННЫ

Из леса взываю к тебе, Господи, из волчьей ямы, на коряге сидяше. Ибо голоснули мы на трассе, и поехали на машине, и приехали на хазу. Один взял дубинку, другой заиграл на баяне, и всю ночь мы маршировали, поворачивались и пели гимн. А потом нас повезли в лес и бросили там с нашим недоумением. И так сидели мы и взывали и пели гимн:

*Сначала была Сарра,
И Бог ее любил,
Она съела кусок сала,
И Он ее убил...*

И так пришли мы к профессору с гимнами и плясками, в резиновых сапогах, изукрашенных в черный цвет. Профессор повелел разуваться. Однако же мы с Саррой еще не покойники. И прогнал он нас с порога своего, и пошли снова по трассе, о столбы телеграфные запинаясь и обрывая на себе волосы. И летели наши волосы по дороге, рядом с одеждами нашими разорванными. И обмочились мы нашими слезами во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Глава 8. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРЕПОДОБНОЙ САРРЫ ЦВИ от перерождения до вознесения, в двух стихах и трех апокалипсисах, составленное первосвященницей мюзик-холла Хунтой Негодайкиной

Наша уважаемая и обожаемая Сарра выродилась в Азовском море и там же выросла. Она жила у своей матери-одиночки. Жила плохо, ибо ничего не хватало.

В детстве Сарру, как и всех, проклял Господь, и она в поте лица добывала хлеб свой и в муках рожала детей своих. Мать же ее работала в забегаловке пансионата «Красная гвоздика». И Сарра мыла стаканы, пивные кружки, хуливертила, как проклятая. Но все равно ничего не хватало.

Сарру родила Соня с улицы Светлого Пути, а Соню родил полковник в отставке, а того полковника родила Вера Холодная, когда попала в психушку, а Веру Холодную родил Ефим Собакер, профессор геронтологии. Вот родословная Сарры от Абрама до наших дней.

Сарра была толстая и красивая, на голове же ее рос хвост, и черный загар покрывал ее до самого хвоста. И она все время видела. То черная бабочка летает, то инвалид тарактит на своей тарактелке и кричит: «Пользуйтесь услугами аэропорта!»

Море было розовым и косматым. А Сарра лежала на нем и испускала Дух Святой. Потом ее сняли с него и повели. Я не хотела идти, но меня посадили в заднее седло. И привезли меня в лес и привязали к дереву. И долго мучили меня, сорвав одежды мои, и трепали груди мои, и залезали в лоно мое, и сказали, что я у мамы дурочка. Потом оставили меня, и я пошла домой. Шла я по пансионату, и лаяли собаки на мои голые ноги.

— Что с тобой, Сарра? — спросила ее мать, вытаскивая из печи толстые булки.

Ничего не сказала Сарра, но с вещами своими удалилась в ПТУ строгого режима.

Таков был тернистый путь богоматери нашей. Вы не проконаете просодию и не усечете октаву, а тональность для вас вообще темный лес, но имеющие абсолютный слух — да услышат.

Глава 9. ВОЗЛЮБЛЕНИЕ

Потом она возлюбила. Он был самый маленький из лесных раввинов и во время еженощных песнопений носил самый большой струнный инструмент по имени кифар, то есть мошан, похожий на балалайку. У него были мокрые длинные губы, потные

руки и скорбные глаза. Все его дразнили: то обстригали ему пейсы, то посыпали бумажками, которые обрывали с его свитка Торы, то перепутывали его молитвенные ремешки, и вместо молитвы приходилось их распутывать. А он сносил все кротко, только мигал своими слипшимися ресницами.

— Ламе, ламе, или саохвани, — говорил он.

Его оставляли ненадолго. Сарра же, когда видела его, сильно потела. А он смотрел на нее и пел грустную еврейскую песню о том, что вот идет моя любимая и вертит большим-большим задом.

Однажды они встретились и углубились в лес. И легли на осенние листья и долго не вставали.

— Тебе хорошо? — спрашивал маленький раввин.

— А тебе? — спрашивала Сара. Потом они пели любовные молитвы.

— О возлюбленный мой! — пела Сарра. — Всю ночь я искала тебя на ложе моем, но никак не могла найти. Зачем такие шутки, и куда ты подевался? Встану я и пойду, и на улице найду, кого любит душа моя. Встретили меня стражники, сняли с меня покрывала и все остальное. Неужели же ты потерялся в постели моей, как горный козел потерялся в горной пещере?

— О возлюбленная! — пел маленький раввин. — Немудрено потеряться в постели твоей, ибо велика она, как равнина Иерусалимская, а я такой маленький. Зубы твои — как стадо овец, нос твой — башня белая высокая, стан подобен кедр ливанскому, а груди твои — кисти винограда. И как мне хочется влезть на кедр ливанский, ухватившись за его кисти виноградные.

Сарра хотела возразить, что сам он дуб зеленый, а где у меня башня — пусть сам разбирается. Но тут востекли на нас лесные раввины и удалили его от меня. И хотели они совершить обряд побиения камнями, но напомнила я им Писание, по которому каждый начинающий побиение должен снять с себя одежды и возложить в кучу. А кто может возложить одежды в кучу? И что вы там найдете? Я не спорю, вы найдете кучу, но одежды там не будет. Раввины загалдели и начали изучать Тору. Мы хотели смыться, но тут старший раввин закричал по-арамейски, и в нас полетели камни.

Возлюбленного ее раввина поймали и водворили в синагогу. Каждый день на утренней поверке его подвергали поношению, на вечерней линейке проклинали, а в перерывах брали за руки и за ноги и носили по синагоге, рассказывая всем о его прегрешениях. Он висел, не шевелясь, закрыв глаза, только слезы капали на пыльный пол.

— Ламе-ламе, — говорил он, а на слове «саохвани» его били по голове.

Он остался один, совсем один, Сарра уехала. Пейсы его обрили, молитвенные ремешки отобрали, кровать опрокинули. И ничего ему не осталось, как сидеть в углу и петь, раскачиваясь, молитву печали.

— Куда ты делся от меня, Господи? Преклони скорее ко мне свои уши и спаси меня. Я весь таки в грязюке, и нет мне рятунку от этого броду, и объяли таки эти воды бедную душу мою.

Глава 10. ПОСЛАНИЕ К АВТОБУСУ

Сарру же Господь послал в автобус. Встав на дорогу, прикрывшись покрывалом своим, она махала рукой, и ее подбирали. Вначале она ехала молча, но потом говорила:

— Обратите внимание, дорогие люди. Вы сейчас все выходите, и сумки вы прете через меня.

— Это как? — интересовались люди и хватались за свои сумки.

— Я буду их проверять.

И, широко расставив ноги, закрывала двери мощной спиной. Была она двинутая, пьяная и врезанная в глазах людей, но кротко прощала их, аки агнец.

— Люди, — говорила Сарра, — я ничего не имею против, но вы ж ничего не умеете. И кто, если не я, найдет вам ваше благо? Попрошу подготовить сумки и подходить ко мне по одному.

— Уберите эту сумасшедшую! Водитель! Что вы позволяете в своем автобусе?

— Буду я тебе, идиотка, сумки показывать!

— Сейчас даже милиция не имеет права у всех сумки проверять.

Автобус останавливался. Толпа напирала, а Сарра стояла стойко в дверях, отпихиваясь и цепляясь за сумки, которые у нее отбирали.

— Милиция не имеет права, а я имею. Мне Бог дал. Он сподобил меня стеречь ваши сумки. Чтобы ничто греховное в них не попало.

Когда ее вытолкнули из автобуса, она села на капот и закрыла видимость водителю. Но он не внял и спихнул ее на обочину. Она села на землю и заплакала, сквозь слезы глядя на солнце, где сидел Бог, возложивший на нее это трудное служение.

Глава 11. И СОБЛАЗНЯТСЯ МНОГИЕ ОНИ...

Бог благословил его во многих отношениях, в том числе и материально. В деньгах у него не было никакого недостатка, а наоборот, их было так много, что он мог ездить туда-сюда, из Африки в Америку через 1184-й километр и обратно. Бог благословил его не только деньгами, но и коричневым пиджаком, белыми брюками и улыбкой на все сто сорок четыре зуба.

Звали его Адольф Шпуллер, он работал мобильным проповедником у мормонов. Он всегда говорил, что нам надо уметь ходить на экскурсию в люди, навещать их в больницах и тюрьмах и учить про Иисуса. Он имел такие симпатии к своему Иисусу, что даже решил устроить фестиваль этого Иисуса у нас на стадионе.

— Иисус на фестивале, — говорил он, — это есть упоительно. Иисус должен трясти весь 1184-й километр. Я побросаю весь стадион к ногам Иисуса. Вы, Сарра, как ветхая иудейка, этого не понимаете, вы не можете понять, как бывают дрожать у меня поджилки от радости...

— Почему, я сама себе Мессия, о чем было сообщение в Талмуде. А ваш Иисус приходил совсем некстати. Но я всегда имела в виду, что он родом с Галилеи.

И я пошла на стадион. Стадион с остатками скамеек был заполненный наполовину мусором, наполовину людьми. Солнце жгло, как в пустыне Аравийской. И было жалко Иисуса, не сумевшего собрать полный стадион.

— Раз-два-три... Чего такая лажа? — говорил с эстрады человек, проверяя микрофон.

Настало время, и выскочил Адольф Шпуллер, с верой в Бога и с огнем в глазах. На этот раз Бог его вооружил видеомониторами и христианским оркестром.

— Привет от Иисуса! Всем вам большой и пламенный христианский привет! — закричал он. — Мы собрались во имя Иисуса на фестиваль Иисуса. Давайте поплодирuem Иисусу! Он это заслужил!

Раздались жалкие хлопki, перешедшие в слабый шум.

— Кто знает, кто такой Иисус, восстаньте! Хорошо. Иисус пришел в этот мир не просто так, а с заданием от Господа. И Он выполнил это задание! Аллилуйя! — стадион молчал. — Вы умеете возгласить «аллилуйя»? — закричал Шпуллер. — Тогда возгласите вместе со мной, — некоторые дружно закричали, а потом жидко зааплодировали. — Сейчас я вспомнил один стих! — закричал Шпуллер, энергично махая рукой. — Тот, кто дает, тому дано будет. Наша церковь всем дает, и поэтому ей дано все больше и больше. Я напомню вам одно причитание из Библии: один человек пошел и нашел одно семяночко. Он взял это одно семяночко и спрятал его на полку. Ну и что? У него так и осталось одно семяночко. А другой человек шел и нашел другое семяночко. Но он его не спрятал, а погрузил в землю. И что же? Из него выросло много всяких семяночек. Дайте нам свои деньги, и вы убедитесь в этом! — тут музыканты взяли целлофановые кульки и побежали по рядам. Когда они вернулись, на дне кульков болталось несколько бумажек. — И еще одну вещь я должен объявить вам — Дьявол побежден! — Адольф Шпуллер запрыгал и закричал «аллилуйя», и некоторые тоже запрыгали и закричали. — Дьявол — автор зла, он хочет делать людей печальными, хочет впадать их в депрессию, он хочет вводить в них неверие, будто они произошли от обезьяны. Но разве они произошли от обезьяны? Они и на обезьян не похожи! Иисус забил гол в ворота Дьявола! Аллилуйя!

Потом начались ритуальные танцы и песни с молениями:

*Два притона, три прихлопа,
Господа мы любим,
Туды-сюды повернемся,
Бога не забудем.*

И тут Бог вселился в меня и вывел да эстраду.

— Глохните, падлы! — шепнула я в микрофон. Они не вняли, и я возвысила голос. — Христос воскрес, а я пришла. Счас я вам врублю проповедь, от которой души ваши раскроются, как розы полевые, а тела упадут в нирвану.

И тогда они встали как вкопанные.

— Вот так и стоять, как вас тут Бог передо мной поставил.

Потом повернулась к Шпуллеру:

— Иже вещает тебе Господь — свали в канаву, — и простерла свою длань на него. — Ибо сказано: «И восскакаше диявольским скаканием, и вопияше диявольским вопиянием, и вострясаше... нет, вострясаше... нет, обтрухаше... Ну, короче, вы врубились, братья и сестры.

Адольф Шпуллер уже трепыхался где-то на заднем плане.

— Поскольку я у вас Мессия, или Мешшиха, то я вас поведу и отведу в землю

Ханаанскую, где каждому пришьют по делам его. А посему, возлюбленные братья и сестры, кочуйте. И сдеру я с вас долги ваши, а пока сказочку расскажу. Жил-был Бог, а потом сварганил себе Адама, извлек из него ребро и сляпал Еву. И прописал их в раю, между прочим. И после прописки сказал им: делайте что хотите, но не хавайте тут с одного дерева. Но, короче, пробрался к ним Дьявол в виде гадюки. Гадюка таки прихлял к Еве и говорит: «А ты отвечаешь, что Бог запретил вам хавать это дерево? Бог разрешил вам хавать все!» Ну а Ева ему: «А ты отвечаешь?» — «Сука буду», — сказал гадюка и уполз. И Ева с Адамом все схавали. И Бог врубился и попер их из Рая. Тут у них вышел полный облом, возлюбленные мои чуваки и чувихи...

Я заплакала, и стадион заплакал вместе со мной.

— Но Господь не кинул нас в кювете! — воспрянула я. — Он двинул план, и этот план у меня в кармане. Я, Сарра Цви, Дух Святой, счас вам этот план забабахаяю, — стадион воспрянул вместе со мной. Но я была сурова. — Господь послал меня к вам на разборку. Сын Его за вас копыта откинул, а вы что себе думаете, козлы? Гоните долги!

Заиграл оркестр, я помянула всех на эстраду, стала всех обнимать, целовать, исцелять и собирать деньги. И говорила я:

— Приконайте ко мне, опущенные и страждущие, а я вас перед Господом отмажу.

После фестиваля Адольф пригласил меня в кафе, чтобы укрепить его в вопросах веры. Мы пили портвейн, а потом пошли к нему в номер, чтобы он познал всю глубину моего учения. Мы лежали в постели и обсуждали Исаака с Иаковом, когда раздался звонок. Под видом сантехника пришел следователь, соратник по борьбе с Дьяволом. Он открыл унитаз и начал вкручивать мозги.

— Где деньги? — закричал он, наступая на нос Адольфу.

Адольф доставал из портфеля кулечки, вытряхивал из них бумажки и торопливо пересчитывал их и снова рылся в портфеле. Все время чего-то не хватало, и Адольф плакал, а следователь бил его по голове, тряс за плечи, а потом посадил его в унитаз и прикрыл раковинной.

Когда соратник ушел, я встала над унитазом на молитву.

— Отче наш, который спокойно сидит себе дома. Да засветят нам именем Твоим... И Шпуллер подвывал из унитаза.

Глава 12. ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ

Наложив на себя руки, я умерла. Нет, я не вешалась и не травилась, и тем более не бросалась с балкона, и даже не резала себе вены. Просто я легла в постель и перестала дышать. И душа моя пошла к Богу.

— Ну и как там, Сарра?

— Ни хрена не видно. Темно.

— Значит, загробная жизнь — это вечная тьма?

— Тьма не тьма, а так херомантия какая-то. И вода мокрая.

— Откуда вода?

— На темечко капает.

— Скажи, Сарра, видишь ли ты свет в конце тоннеля?

— Да, как же, засветят они тебе...

Паршиво, гадко, скользко и холодно. Кажись, на собрание зовут.

И пошла я на собрание, и послушала отчет Бога о проделанной работе.

— С крупным приветом, дорогие товарищи люди! Я к вам отношусь глубоко и с удовольствием. Так что развлекайтесь, как сами себе хотите. А проделанная работа проделалась — и хрен с ней!

Потом вострубили ангелы: «Кто хочет отдаться Богу, пройдите в седьмой кабинет». И я пошла в седьмой кабинет — отдаваться.

Шла я долго по коридору, длинному, как тоска, и холодному, как уксус из холодильника. Вначале был кабинет сто шестой, потом почему-то двухсотый, везде запустение и горы ненужных бумаг, исписанные листочки валяются на полу, шуршат и рвутся под ногами. А седьмой кабинет куда-то провалился.

А вода со стенки все капала и капала на темечко.

«А куда спешить? — думала я. — Спешить все равно некуда».

Глава 13. ИЗ ЗАПИСОК ХУНТЫ НЕГОДЯЙКИНОЙ, ВНУЧКИ ЛЕВИТА

Однако, извините, что я уже десять дней не чистила себе свои зубы и не мыла себе свои ноги. Какие там зубы и какие там ноги, если наша возлюбленная Сарра свалила от нас к Христу, которого так мало уважала, и предалась гоям. Ну ладно, прибили они немного ейного Шпуллера, ну ладно, пыталась самоубиться Она на этой почве, со всяким может случиться, так что ж теперь — ямки рыть и бедную нашу Иегову бро-

сать одинокую? И никто не врубился, как Она дошла до жизни такой, но подняли плач великий, и разрывали ночные рубашки свои, и опрокидывали кровати свои, и мыли полы в домах своих, и ходили босыми, как по покойнице. Ибо смухлевала Она самым подлым образом.

Или вы думаете, что пророки, которые решились за Нее пророчествовать, напророчествовали Ей что-нибудь такое? Тогда бы мы еще поняли, потому что если напророчествовали — надо выполнять. Так нет, ничего подобного, просто взяла и смылась в христианскую веру. И как теперь расценить этот Ее финт ушами?

Но там Сара, как видно, возросла духовно, потому что они сразу решили упрятать Ее и никогда не выпускать. Она исчезла, сгинула, пропала, сидела то ли в монастыре, то ли в скиту, то ли в ихней штаб-квартире, и только через два года я встретила Ее и попросила разрешения посетить Ее в обители Ее.

— Я хочу прийти к тебе со своим другом и братом.

— А он крещеный?

— Нет, конечно.

— Тогда не надо.

— Но ведь и я некрещеная.

— Во-первых, Жанна, Я к тебе привыкла. А во-вторых, больше одного некрещеного Я вынести не могу.

И я пошла без брата, который роптал и пророчествовал:

— Спалится она со своим христианством.

Ее совсем плохо поселили, комната маленькая, холодная и старая, и совсем никаких удобств, кроме крана над унитазом, где Она стирает свое всякое белье. И даже эту комнату с этим краном Она умудрилась захлупить всякими иконами, позаставила ими, этими бумажками, стол, этажерку и даже телевизор.

— Однако я пришла к Тебе с сокрушенным сердцем, — сказала я. — Что же Ты, Сарра, так нас кинула?

— Возьми свое сокрушенное сердце и заткни им себе задницу, — ответила мне Сарра. — Я теперь приняла рясофор и на вас всех ложилась с прицепом.

И, опрокинув рюмку, Она перекрестилась. А я совсем потеряла силы от такой наглости и только одно пробормотала:

— А что такое рясофор?

— Рясофор — это священная пробка для заткнута греховного отверстия.

— Какого именно?

— Всех. А потому отстань от меня со своим сокрушенным сердцем и заткни его туда, куда сама хочешь.

Но тут я пришла в себя.

— Курва Ты, курва! — сказала я Ей. — Думаешь, заделалась православной, так уже и все? И плевать на нашу бедную Иегову, и на наших всех раввинов, и на весь 1184-й километр? И как Ты могла мое сокрушенное сердце...

— Пошла ты со своим сокрушенным сердцем...

— Нет, как Ты могла его затыкнуть... затолкнуть... и куда? И как Ты могла послать меня... с моим сокрушенным сердцем! Что Ты сделала с моим сокрушенным сердцем?

Зарыдав, я вцепилась Ей в волосы. Она пыталась расцарапать мне лицо, но Бог отвел Ее ногти от моего лица и позволил Ей только оборвать мне пуговицы. Я уже совсем было закрутила Ей руку, но тут вмешался Ее Бог. Она вывернулась и села на меня верхом. Но мой Бог не дремал и надоумил меня укусить Ее в бедро. Мы катались по полу минут пять, пока не растащили нас наши Боги.

— Так когда Ты уйдешь в монастырь?

— Не знаю. Мне уже пришло приглашение из трех монастырей, но никак не найду себе то, что нужно.

— А что нужно?

— Ну как... Вот прошлым летом Я обреталась в одной пустыне. Там три монаха спаслось.

— Ну и как?

— Все класс! Правда, спать пришлось в печке. Они боялись, что Я их в грех введу.

— Так что же хорошего?

— А они у Меня пахали, как папы Карлы. И готовили, и стирали, и убирали, и летали, как пчелки.

— Да Ты что...

— А как только зарыпались, Я им сказала: ша, кадры, креста лишу. И стало тихо.

— Но все равно в мужском монастыре неудобно. Не все же монахи такие, что укладывают спать в печку. Будут у Тебя большие проблемы с ними и с половыми отношениями.

— А Я на них смотрю просто.

— На кого — на монахов?

— Нет, на отношения. В Индии, Мне сказали, есть племя, так там дети живут этими отношениями с самого рождения и у всех на виду. А Я так думаю, что надо бы еще до рождения, в утробе матери.

— Но с кем же?

— С матерью, естественно, — сказала Сарра, швырнув в меня скомканной бумажкой от иконки. — И что ты думаешь, Жанна, Я такая дура, чтобы так просто перебежать в христианство? Да в гробу Я видела с Моим еврейским счастьем ихнее христианское горе. Но, Жанна, кто Меня окружает? Одни евреи да козы, а с этими тварями Божьими далеко не уедешь. А Я хочу дать этому делу такой разворот, чтобы ихнего Христа привести к нашей Иегове на поклон и заставить признать Сарру Цви за живую Мессию с нетленными мощами. Я у вас буду главной иерархой и патриархой, а ты Мне еще говоришь за свое сокрушенное сердце...

Что мне еще оставалось делать?

— Дорогая Сарра! — возопила я. — Налей полный тазик и хорошо вымой ноги. Я выпью эту воду.

— Жанна, — ответила Она, — лучше пей боржоми, но хотя бы иногда думай головой.

Глава 14. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ САНИ, СУПРУГА ВО ХРИСТЕ

На самом же деле ее христианская жизнь начиналась невесело и смутно. Крестившись в новенькой церкви первого трамвайного парка, она стала ревностной прихожанкой.

— Но батюшка, — спрашивала она священника с дюралевым крестом из самолетного крыла, — порекомендуйте мне какой-нибудь подвиг, чтобы я могла доказать свою веру.

Скрежет трамвайного депо заглушал Ее голос.

— Порекомендовать? — улыбался батюшка. — Водички святой попей, свечечку поставь, молитвочку почитай.

— Да это все я и так знаю, батюшка, только мне все эти ваши молитвочки как мертвому припарки. Я подвига жажду во имя веры, чтоб пойти за веру на истязания и муки, чтоб вести себя так, как Христос на Голгофе, чтобы ваши все христиане припухли к чертовой матери.

— Замуж тебе надо. Обвенчаешься — ничего хотеться не будет, — тихо говорил батюшка и семенящей походкой уходил за алтарь.

Но венчаться было не с кем. Впрочем, батюшка однажды нашел ей какого-то хилого Саню, очень верующего и очень пьющего. Чем больше он пил, тем больше веровал, а чем больше он веровал, тем больше пил. И, встав на колени помолиться, никогда уже не мог подняться, а так и засыпал под иконой, свернувшись калачиком. Они венчались холодной и сухой осенью, все в той же церкви, где пенье хора мешалось со скрежетом трамваев. Трамваи звенели и гудели, батюшка что-то бормотал про имя Отца и Сына, хор пел про голубицу, и Саня, глядя на свою Сару, выше него на целую голову, в зеленых туфлях на высоком каблуке и в длинном платье с красными цветами, думал: ни хрена себе голубица.. Из окон дуло, и на углах икон качались разноцветные бантико-розочки.

— Согласна ли ты, раба Божия Сара, взять себе в мужья раба Божия Александра?

— Этого плюгавого раба Божия? Да, согласна.

И Саня на нее обиделся на всю жизнь, но как христианин простил ей обиду, только прошептал на ухо:

— Придем домой — звездюлей выпишу.

На что Сарра понимающе кивнула и сказала, что во имя Господа она сама кого хочешь настучит в бубен.

Венчание кончилось, и началась жизнь. Саня пил и веровал, веровал и пил.

— Батюшка, — говорила Сарра после воскресной проповеди, — все ничего, но он обыскается.

— Терпи, дочь моя, — говорил батюшка. — В этом и есть твой подвиг.

— Если вы думаете, что подвиг в том, чтобы плавать в саках, то я буду плавать в саках.

— Терпи, дочь моя, — снова говорил батюшка, целуя дюралевый крест.

Она терпела, но по ночам ей снился огромный бассейн, заполненный мочой, в котором она ныряла, поцеловав крест. Так продолжалось долго, пока ей не посоветовали дать ему керосин. Он выпил, внимательно посмотрел на Сарру, ушел неизвестно куда и долго не появлялся. Сарра же каждый день ходила к бабе Уле, толстой и грозной старухе, у которой она мыла полы, выполняя свой христианский долг.

— Бьет? — хрипела баба Уля, переваливаясь по комнате.
 — Только пьяный. Он тогда икону этой самой матери ищет, не находит, все иконы перевернет, ну и меня бьет.
 — Это ничего. Икона — святое дело. А мой покойник все какую-то модноблешку искал.
 — Ну, мой Саня никогда до этого не опускался. Он меня головой о стенку бьет, а сам молитву читает: «Спаси Господи, люди твоя»... Мы с ним все о небесном думаем.
 — А мой покойник...
 — Все равно обрыдло мне все это.
 И тут явился Саня.
 — А, вот ты где, сволочь-голубушка, — ласково сказал он. — Пойдем домой, я тебя буду вере учить.
 — На фиг ты мне сдался со своей верой? — еще более ласково спросила Сара. — Что ты есть в глазах Господа, если не пенек обрыганный?
 — Это мы еще посмотрим, кто из нас пенек обрыганный. А ну, пошли!
 — Пошли, — сказала Сара. — Только с меня хватит. Теперь я тебя в такую позу поставлю передо мною и Господом, что участи твоей позавидует разве вавилонская срамница, — и, взяв его за шиворот, выволокла за дверь. И, втащив в квартиру, вмазала пощечину. — А теперь, сучок болотный, подставляй другую щеку. Ибо тебе, сучок, было сказано: «Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую». А ну, быстро подставляй. А теперь другую и по-шустрому, — от пощечин у Сани на глазах выступили слезы. — А, плачешь? Это хорошо. Ибо сказано тебе, пеньку обрыганному: «Блаженны плачущие, ибо их есть царствие небесное».
 — Это ты сама до этого дошла? — прохрипел Саня.
 — Это не я, это Христос, а я только слова Его повторяю, чтобы ты, козел опущения, уразумел, как надо Господа любить и Сарру, Его Мессию. Уразумел?
 — Угу.
 — А теперь по-шустрому вали на улицу подстилки трусить. Я буду мыть свой пол и веселиться, ибо я свершила благое дело, растолковала тебе, полудурку, чего до тебя не дошло.

Саня нагрузился подстилками и, покачиваясь, пошел во двор. Он повесил подстилку на веревку и долго стоял, задумчиво глядя на нее. Ударяя веником подстилку, он раскачивался туда и сюда, придерживаясь за веревку, но его водило вместе с веревкой, и он все время попадал мимо. Некоторое время он бродил, спотыкаясь, вдоль веревки, пытаясь поймать соскакивающую подстилку. Потом безнадежно махнул рукой, перекрестился и лег спать на еще не потрушенные подстилки. И заснул, свернувшись калачиком.

Сарра, увидев его с балкона, выскочила, растолкала его и повела домой. Он перебирал ногами, но не просыпался и мычал какую-то то ли песню, то ли молитву:

*Бежит возок кровявенький,
 В нем мужичок плюгавенький,
 Головка оторвалась,
 И ручки оборвались,
 И ножки отломались,
 И очень хочет спать.*

Глава 15. ВТОРОЙ ПЛАЧ САРРЫ

Однако же это ноябрь — самое хреновое время года. С трех часов наползают сумерки, и ползают по небу, аки слепые котята. А потом темно, как в пузе у кита, куда в свое время смылся Иона. И все такое мокрое, гадкое — Боже ж Ты мой!

Однако же — вот и все. Долго вы смеялись над Саррой Цви — ну и вот, хватит. Да Я для вас же, сволочи, старалась, думала Бога к вам привести, думала, Бог у вас приживется. Нужен Он вам, как же, как собаке пятая нога. Ну и вот, все правильно, смейтесь, все правильно, ибо смешались пути мои, и от всей древней Иудеи один фиговый листок остался.

Однако же Я ушла из древней Иудеи. Ушла из божественных соображений. Ибо у них все песни, танцы, а это есть беснование и искушение, а у христиан — молитвы, молитвы, молитвы. И если бы вам предложили такой выбор, то Я за вас не ручаюсь. И Я ушла в молитвы, хотя никому это не нужно. И что Я получила в результате? Саню, который усыкается, рясофор, с которым неудобно, да еще вот эта повесть... Или вы думаете, Я не усекла, что автор этой повести — антисемит, да к тому же еврей, или Я не знаю, что весь мировой антисемитизм — это наши еврейские штучки?

Ну и ладно, вот и докатились, приехали, вот вам уже и Царствие Небесное. Не де-

лайте из себя пробки в дверях, не скопляйтесь в проходе — все там будете!

Глава 16. ОТ САНИ, БЛАЖЕННОГО МУЖА, ВСЕБЛАГОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Родился я в том же подъезде, где и теперь живу. Там у меня родились дети и жена, и жили мы хорошо, потому что денег у нас было много. А брали мы деньги очень просто — молились Богу, и Он нам давал сколько надо. Сарра, жена моя, молилась больше всех, а погода была плохая, а потому молились мы до полного экстаза.

— Жрите, сволочи, — сказала наша общая сестра Хунта, принесшая нам тюльку в томате. — Жрите, завтра обещали конец света.

— Бреешь, — сказала Сарра. — Конец света уже был две недели назад. И ко Мне Иисус приходил. Ну что, говорит, разобралась со своими евреями?

— И что ж Ты Ему сказала?

— Сказала: какого хрена, Иисусе, Ты шляешься туда-сюда? — потом Сарра долго и задумчиво грызла себе ногти. То, что отгрызла, Она аккуратно сложила в солонку. Она была вся такая молитвенная и божественная. — Когда Я жила в своем 1184-м километре, евреи целовали края Моей ризы в виде зеленого платья с большими горохами. И пока Я проходила через поселок, то была уже вся обцелованная. А здесь Я что такое — сижу в подъезде, пейсы обрила.

Она заплакала, заплакала и пошла на улицу. Я пошел с Нею, а Хунта, наша общая сестра, уже лежала.

— И так Я сказала этому Иисусу, — шептала мне Сарра, — если Ты пришел, только чтобы у Меня спросить, так иди обратно и не теряй времени у занятых людей, — тут на нас дохнул очень свежий воздух от природы, и мы решили на этой природе совокупиться. — Это все равно как апостол Павел с древней Рахилью... А потом напишем Послание к евреям 1184-го километра, — сказала Сарра.

И стала снимать с Себя нижние одежды, отчего у меня тоже увеличилось желание. Но рядом была остановка, а на ней стояли люди. А люди, как известно, все очень подлые. Так они позвонили в милицию и сказали, что на улице лежит труп убитой и голой женщины, а я с ним что-то делаю. Милиция приехала и действительно увидела меня. Но Сарра была живая, только в сильном молитвенном экстазе, а голая у Нее была только нижняя часть. Однако же нас погрузили в машину и увезли.

По дороге из нас вытрясли все печенки. Но желание у меня было большое, и у Сарры тоже, и мы стали молиться.

— Суки! Падлы! — кричали мы с Саррой. — Или вы не можете отличить убитого трупа от живого, созданного по образу и подобию своему? — в ответ они бросили Сарре штаны, чтобы Она прикрыла свои голые части. — Не бросайте в Меня штанами! — закричала Сарра.

— Не бросайте в Нее штанами! — закричал я.

— Я не могу позволить, чтобы на Меня смотрели! — закричала Сара.

— И я не могу позволить, чтобы на Нее смотрели! — закричал я.

— Но мы же вам дали штаны, — сказали менты, составляя протокол.

— Штаны! Какие штаны? — возмутилась Сарра. — Разве через штаны можно познать Господа? Разве через штаны можно войти в Царствие Небесное? Разве Я могу молиться в штанах? Уходите все отсюда! Мы будем за вас молиться.

Но они уже написали свой протокол и выкинули нас опять на природу.

Сарра пошла в подъезд, и я тоже пошел куда-то, не помню. Но люди ведь очень подлые. Они позвонили в милицию и заявили, что в подъезд кто-то ломится и обрывает дверные ручки, а теперь там лежит труп. А это была наша дорогая Сарра. Она сладко спала и видела грустные сны. Она видела много-много евреев, танцующих танец семь-сорок, в молитвенных полотенцах, с молитвенными веревочками.

Глава 17. ПЕРВАЯ КНИГА БЫТИЯ ПОД ТЕРРИКОНОМ

Они переселились в дом под терриконом. Дом был старый, ветер, как черт, выл. Сарра ловила этого черта, а Саня устроился грузчиком на базу.

— Жрать хочу, — говорил Саня, возвращаясь с работы.

— И он мне еще говорит об каком-то жрать! — взвизвалась Сарра. — Когда я вся в молитве и поте лица своего, когда я весь день не вылезая из своего молитвенного угла и всю ночь напролет слезами омочаюсь, а с утра пораньше воздыханиями моими умываю морду лица... И он мне еще смеет думать об каком-то жрать!

Но Саня обрывал ее кратким и метким ударом.

— К нам на склад бабулька прибежала, — говорил он, сидя за столом. — Прибалдела — твист на ящике танцевала, как дите. А потом печенку привезли, так она свистнула кусок и в трусы запихала.

— А как узнали?

— По ногам потекло. Помолодела бабулька!

Была еврейская Пасха, и благочестивые евреи садились за ритуальную трапезу. А Сарра ела мацу с салом, когда в дверь постучали.

На пороге стояли три мужика, смуглых, рваных и грязных.

— Здорово, ребята! — замахал руками Саня. — Валите к столу. А ты пошла вон, — сказал он Сарре.

— Однако же я пойду, а они тут похватают всю мою мацу и осквернят все мое сало.

Однако же ушла. Долго сидели они, пока наконец один, с подбитым глазом, не встрепенулся.

— А где Сарра, жена твоя? — сказал он с кавказским акцентом.

— Смывась, — тихо ответил Саня.

— Очень напрасно. Я ей от Господа принес большой-большой приказ.

Глаза его заблестели, а на ссадине под подбородком проступила сукровица.

— Какой такой приказ? — не понял Саня.

— Чтобы когда я тут буду проходить на другой раз, вы бы тут к моему приходу пациента забабали.

— Как?

— Обыкновенно. Во грехе, как все нормальные люди.

Побитый мужичок захихикал.

— А ты, Саня, совсем-совсем забыл за нашего дорогого Ибрагима. Его еще называют Абрамом. До него, Саня, тоже три гостя пришли и говорят: «Привет!» А он им: «Привет, мать вашу за ногу!» И тут же им зажарил маленькую коровенку и говорит: «Хавать будете?» Коровенку, а не это богомерзкое сало. А тут прибегла Сарра, обрывая на себе одежды, и как заорет: «Я старая, бесплодная, делайте со мной чего-нибудь». Так они тут же ей это дело вправили, хоть и было ей 120 лет, ты понял, Саня?

Побитый мужичок захлебывался своим кавказским акцентом, размахивая руками и брызгая слюной. Сарра смеялась, сидя в своем молитвенном углу.

— Она смеется, — сказал побитый.

— Ржет, — подтвердили двое других.

— Заглохни, — сказал Саня.

Потом гости встали и пошли в сторону Содомы. И Саня вышел, чтобы проводить их.

Глава 18. МАЛЫЙ КОГЕЛЕТ

...Ах, не надо больше за эту Сару. После Ее приезда в нашем городе не осталось камня на камне — все побросали в Нее. Так хоть бы кто-нибудь попал, а то просто так — раскидали по площади. Она же бегаёт от иудеев к христианам и обратно, как к себе домой. А что Она вытворяла в священном лесу с мормонами, вы даже представить себе не можете. И в каком виде приходит Она в синагогу — в резиновых сапогах! И в них Она сидит, и даже входит к мужчинам, и на наш многоуважаемый кагал говорит просто кодык!

Глава 19. ПЕРВАЯ АНАФЕМА ДОЦЕНТОВ ХАНААНСКИХ

А в гробу Я видела этих самых доцентов. Между нами, девочками, откровенно говоря, их же просто уже девать некуда, а они все прут и прут со своими диссертациями, которые защищают хрен знает от кого. Но что такое доцент в глазах Господа? Гроб повапленный и кимвал бряцающий, притом же они все такие зануды. Истинно, истинно говорю — легче богатому войти в игольное ушко, чем доценту влезть в Царство Небесное.

Я бы с ними никогда никаких делов не имела, если бы не воля Божья, которую все равно надо выполнять, раз уж приказано. Он ко Мне своего серафима подослал, аж шестикрылого. Лежу Я у Себя в постели, а он летает по комнате, крыльями перебирает. А потом уселся на лампочку. А Я его — тапочкой, тапочкой, как добрая христианка.

— Иди сюда, падла, птичка Божия, — он тогда к Мене спустился. И стала Я ему свои сокрушенные вопросы задавать. — Это где ж, — говорю, — в Святом Писании сказано, чтобы серафим мне лампочку засиживал, аки муха? Я ж только позавчера ее с Божьей помощью протирала, и что ж теперь, обратно протирать? А если Мне уже Бог сказал, чтобы Я на Него в этом деле не рассчитывала?

Серафим крылья опустил и сказал:

— Прости меня, Сарра, ибо сказано...

— Да знаю Я без тебя, что сказано и что ибо, но раз уж прилетел, то сиди, как человек, а крылья сложи аккуратненько в уголку. Ну, что там у тебя?

— Встань, Сарра, и пойдти на конференцию. Возвести им, что на 28 октября назна-

чен конец света, так что пускай они быстренько покаются, тогда мы их в Царствие Небесное по-шустрому запишем. Найди доцента Дину Зверушкину и обрати ее на путь истинный.

Он дал Мне адрес и улетел. Ну, и Я, конечно, встала и пошла, что же делать, если Бог не нашел для Меня лучшего занятия, чем наставлять на путь истинный всяких там доцентов.

А что такое конференция? Я быстро врубилась. Это, значит, собирается кодык доцентов с профессорами и базарят. Или становятся какого-нибудь задохлого доцента на кафедру и устраивают ему разборку. Я уже и на ихней фене научилась ботать, и телологии обучилась, и эсхатоложество освоила.

А Бог совсем не дурак, послал Меня куда надо. Я их быстро познакомила с С собой и объявила им все.

— Что такое Бог, ребята? — сказала Я. — Бог — это чемодан, наполненный всякими бриллиантами, порфирами и багряницами. А что такое Я, Сарра Цви? Ручка этого самого чемодана! А теперь скажите Мне, можно ли нести чемодан без ручки? Конечно, можно, но неудобно и неприятно. Так что если бы не Я, вы бы давно уже этот чемодан бросили.

Однако, когда Я им сказала, что скоро к ним придет Христос, они почему-то не очень обрадовались. И даже, вы не поверите, вякали насчет того, будто покаяние не вписывается в регламент конференции. Но Я их быстро образумила.

Покаяние устроили на кафедре прикладной лингвистики. И били они себя в грудь, и рвали на себе волосы согласно регламенту, пока не пришла уборщица и не велела всем уматываться.

— Но что же нас ждет? — спросил один профессор с пегой бородой. — Примут ли нас в Царствие Небесное? Вы замолвите за нас словечко, Сарра?

— Я, конечно, и скажу, и покажу, но вы тоже будьте людьми. Вы вот нас обвинили, будто мои евреи стремятся к мировому господству. А где ж Я, к примеру, найду вам евреев, чтобы править Антарктидой? Кто, скажите, займется папуасами, где вы найдете таких идиотов? Я сама, между нами, девочками, всегда чувствовала Себя с евреями, как с такими папуасами...

— О, Сарра! — воскликнул профессор и пал ниц на асфальт.

Я, как пышная пава, вышла из университета, а доценты и профессора в знак почтения мели предо Мною асфальт своими бородами. Только доцент Зверушкина бормотала что-то про профанацію и провакацию.

— Ну, что, Дина, будем каяться? — тихо спросила Я ее.

У нее было серое лицо и брови домиком. Скачущий свет фонаря освещал нас. Она вдруг бросилась ко мне на шею, и, захлебываясь от плача, стала рассказывать, как она была лучшей комсомолкой школы и в день смерти Сталина поклялась, что исправит единственную четверку по русскому языку, но так ее и не исправила, и теперь из-за этого должна всю жизнь заниматься этим русским языком, этими морфемами, фонемами, семемами, этими флектированными циркум... циркумфиксами, а какой она доцент? Никакой она не доцент, а студенты с ней не здороваются, забывают ее и не знают, а дочка у нее в седьмом классе начала курить, а еще — завела кота, а кот одичал, висит на занавеске и норовит вцепиться в голову, а муж у нее несчастный, он брезгает сам собой и рыгает, когда стрижет себе ногти, а то еще сядет посередине комнаты и песню поет: гуси-гуси, гусенята, возьмите меня на крылья, а никто не берет, потому что никому он не нужен.

И я убежала от нее, не дослушав.

И, встретившись во сне с Иисусом, сказала Ему:

— Какого хрена, Иисусе? Что ж Ты, гнида, подвел нас под монастырь? Если уж сказал, что придешь, так надо было приходиться, а если не приходишь — так нехрен и обещать.

Глава 20. ВТОРАЯ АНАФЕМА ДОЦЕНТАМ ХАНААНСКИМ (Послание к филологам святых последних дней)

Истинно, истинно говорю вам: нехрен всякой херомантией заниматься. Отсиживаетесь по кафедрам, по всяким научным дебрям блукаете, диссертации защищаете. Но что есть диссертация в глазах Господа? Это гроб поваленный и кимвал бряцающий, всякой матюкней снаружи и снутри исписанный. Я же говорю вам: не блудите по науке и со студентами, но обратитесь к тому, что валяется у вас под ногами.

Обратитесь ко Мне, к Сарре Цви, дабы изучить Меня, откуда Я есть пришла и куда с Божьей помощью приконю. Ищите единства Истины, Добра и Красоты, но Бог есть Истина, то есть Я, а Добро и Красота у Меня шохи бесплатные. Я есть Альфа и Омега, и все остальные буквы тоже, и если Я пошлю вас на какую-то букву, то скачите туда

по-шустрому и с ликованием, ибо это Я, Сарра Цви, вас послала.

Однако пока еще сидите, ибо время не пришло. А чтоб до вас дошло быстрее, расскажу вам за свою несчастную жизнь.

Детство у Меня выросло, ибо так повелел Господь. Родилась Я от Своей матери, со всеми руками, ногами и членами, какие Мне положены по чину. И, родившись, сейчас же воззвала к Господу: «Господи, дай Мне силы не подохнуть от жизни такой, ибо Я Твое дитя, а алиментов Ты на Меня не платишь. И пошли Мне, Господи, жратву, чтобы напитать тело Мое, и пеленку, чтобы завернуть члены Мои». И Бог Мне ответил: фиг Тебе.

Однако Я не стала впадать в истерику. Это мамаша у меня истеричка, она дерет на себе волосы и кричит, как какая-то курица, у которой съели все ее яйца. Но, выродив, она отнесла Меня домой, не бросать же на улице.

Когда Я стала ходить Своими ногами, то увидела море. Оно было большое и горячее, как суп, но сильно соленый. «Господи, — спросила Я, — на что Тебе столько соленого супа?» И Бог ответил: «Не Твое собачье дело».

Но скоро у Меня выросло тело и другие интересные вещи. И Мне стало интересно, зачем эти все интересные вещи нужны. Я хотела воззвать к Господу, но не решилась Его отрывать от дел. Но Бог не оставил Меня и послал Мне Беню, и Беня Мне все рассказал и показал. Однако же Мне было мало, и тогда Мне еще объясняли Вася и Коля, но все равно не объяснили, и тогда еще пришли Миша, Мося и Яша Финкель. Яша Финкель Мне понравился, у него были такие грустные глаза.

Но Бог принес Мою мамашу, и все закончилось. Она схватила Яшу за пейсы и бросила в окно, даже не глянув, куда он полетел. А Мишу с Мосей поставила в угол и велела стоять до конца света. Васю с Колей прибила чайником. И уже подбиралась к Бене, но тут Я не выдержала.

— Господи! — закричала Я. — Ты не видишь, что делает эта простибома! Убей ее, Господи, а то хуже будет.

— Господи! — закричала Моя мамаша. — Зачем же Ты уши развесил и слушаешь эту трахнутую?

— Не поминай имя Господа своего всуе, — сказала Я, вцепляясь ей в волосы.

— С какого это перепугу? Разуи свои дырки и прочисти мозги! Это ты поминаешь всуе, да еще и неумеренно!

— Нет, ты! И не лезь в мою интимную жизнь.

Так долго мы цеплялись друг за друга, пока Беня не убежал, а мамаша не почесала в милицию. А Я лежала у себя на кровати и взывала к Господу: «Господи, почто послал Мне такую хреновую мамашу, что ни хрена не делает, а только бросается Яшей с балкона». И ответил Мне Господь: «Заглохни».

Милиция с мамашей заточили Меня в специнтернат, как всех великомучеников за веру. На Меня надели косынку и заставили шить всякие халаты. Жужжали швейные машинки, на полу извивался клетчатый ситец, и все время хотелось спать. Но во сне Меня ждала все та же клетка, одна и та же клетка. Целый рулон клеток разматывался над Моей головой, в клеточку была Я, и комната, и небо, и звезды, и Господь Бог. Я шила халаты и жалела Его, такого клетчатого. Я решила молиться и, облюбовав себе угол в комнате отдыха, встала туда на колени и, пока все смотрели телевизор, взывала к господу. Вы же видели, что у Меня с Ним контакт налажен.

— Господи! Воззри с небес на специнтернат и внемли Сарре, что стоит в углу перед Тобою.

И Бог отвечал Мне: ну, достала Ты меня! И так Он все время Мне отвечал, пока однажды сам не пришел ко Мне. Это было ночью в нашей прокуренной спальне. Он слетел с потолка в облаке дыма.

— Скажите, пожалуйста, сколько времени?

— Времени больше не будет, — ответила Я, рассердившись.

И восстала Я, и изорвала все халаты, и поломала все машинки и нос сменному ма-стеру. И тогда Меня выперли из специнтерната и поместили в библиотечный техникум. Но сказала Я, что учиться Я буду, а книги читать не буду. Ибо каждая Мессия должна окончить свой библиотечный техникум. И на этом кончаю свое послание и посылаю вас...

— Не посылайте! — сказала Дина Зверушкина после того, как Послание было прочитано на кафедре. — Разве это священный текст? Она же совершенно не придерживается жанровых канонов! Если это — житие, то где у нее деяния и чудеса? Где конец света? А если это проповедь, то где у нее тезис, где доказательства, где антитезис, где зааминивание? Нет, если уж она хотела написать священный текст, так проконсультировалась бы хотя бы со мной...

Глава 21. АЗ ВОЗДАМ

Зазвонил телефон. Доцент Дина Зверушкина взяла трубку.

— Здравствуйте, это вы?

— Да, это я.

— Неправда. Я слышал вас в нашем собрании. Я знаю-таки ваш голос. А это голос не ваш, а вашей мамы, которую я тоже слышал, однако.

— Извините, но это мой голос, — сказала Дина, слегка опешив.

— Ну, зачем вы со мной спорите. Позовите Дину.

Дина покрутила головой, но положила трубку на тумбочку, посидела минуту около нее и опять взяла.

— Здравствуйте, это я.

— Ну, наконец-то, а то разве она может быть доцентом? Я сразу все понял. А вы тоже хороши — распустили свою мамашу.

— Простите, с кем я говорю?

— Абрахам Шумахер, председатель общества блюдущих субботу. Вы мне нужны как еврейская женщина, которая иногда читала Тору. Я хочу от вас мацы.

— Но я наполовину русская.

— Эта половина меня не интересует!

— Но мацы у меня все равно нет.

— Ладно, тогда я буду ставить вещи ребром. Вы имеете в моем лице еврея, который пишет монографию.

— Какую?

— Об Анхеле Мухаевиче.

— А кто это?

— Как можно не знать! Он поэт. Он писал стихи на эсперанто с акцентом на идиш.

— Я ему сочувствую, но ничем не могу помочь.

— Помогать не надо. Помогать покойникам безнравственно.

— А вы какое имеете к нему отношение?

— Я его редактор. Большую часть его стихов написал тоже я. Я писал, писал, писал, написал 150 листов и потерял своего научного руководителя.

— Как?

— Очень просто. Когда я донес ему на кафедру свой труд, он сказал: «Это такой внушительный труд... Я как-то теряюсь, я как-то теряюсь». И правда — потерялся. Но я думаю, теперь вы за меня возьметесь.

— Но я не знаю эсперанто и путаюсь в идиш. И вообще, сто пятьдесят листов...

— Возьметесь-возьметесь! Разве же тут есть за что братья? Тут же нет за что братья!

Дина долго бормотала что-то про плохое самочувствие, про вечную закрутку, про отсутствие соответствующей литературы и разрешения кафедры, про заочников и мужа, который уехал в Израиль, где теперь за что-нибудь возьмется, а он слушал внимательно и повторял одно и то же:

— Разве же тут есть за что братья? Тут же нет за что братья!

Потом он назначил ей встречу и положил трубку, а она убито повторяла:

— Возьмитесь за Иерусалим....

Дина тихо ходила по квартире. Окна были пыльные. Небо было серо-зеленым, а муж в Израиле. Вот газовая плита. Вот шкаф. Вот она, Дина Зверушкина, и ее голос — ее, а не ее покойной мамы. И вот газета с театральной афишей на последней странице. «Шизель» — прочитала Дина.

Звонок был странен. За свою жизнь она уже привыкла, что ей звонят разные люди и говорят разные глупости, но таких не говорил никто. Она подумала, что если бы было не так дорого, она бы поехала к мужу посоветоваться. Но увы. Потом решила позвонить племяннику в Хайфу, не знает ли он чего-нибудь, но, вспомнив о ценах на переговоры, поморщилась и стала мыть окна. «А пошли они со своей Шизелью», — подумала она.

Тут зазвонил телефон, и женский голос сказал:

— Зверушкина?

— Да, — ответила Зверушкина.

— Тебе Шумахер звонил?

— Да, — подтвердила доцент, удивляясь фамильярности.

— Так это Я, Сарра, его послала. Теперь Я тебя имею. Чти отца своего и блюди заповеди.

И в трубке — короткие гудки. Дина Зверушкина села на кушетку и нервно стала шарить валидол.

Глава 22. КНИГА СВЯЩЕННОЙ МЕТОДИКИ

И взошла Я к филологам Господним и опросила Я их — чтите ли Пославшего вас? Они же послали Меня по слову Моему. Тогда воспросила Я их: почто восседаете на седалищах ваших словесных? Разве не повелел вам Господь сотворить методику священную, где были бы воедино Слово и Дело и Дух Святой. На что отвечали они: иди ты. Но воззвала я к силам небесным и воздела руки. И убоялись и востряслись они, и воссоздали методику истинную...

Далее текст обрывается и следуют записи Сарры, на которой методику эту отработывали.

Задание 1. Христос — пример нравственного поведения. Расскажите, где и когда Он мог вести Себя безнравственно.

«Если бы Христос увидел Меня, Он бы позабыл про всякую нравственность», — написала Сарра.

Задание 2. Беседа с Богом. Ежедневный разговор с Богом необходим для развития личных отношений с Богом.

«Разговор на эту тему портит нервную систему», — написала Сарра.

Молитва должна включать в себя следующие части: 1) восхваление и прославление; 2) благодарение; 3) исповедь; 4) определенные просьбы.

«Я, Сарра, молюсь утром и вечером, и ночью также, чего и вам желаю. Молюсь Я по частям и в целом, но лучше всего по буквам».

Задание 3. Обведите в кружок те черты характера Бога, которые вызывают чувство любви, обожания и уважения.

Сарра написала: «Я обвела Бога один раз, Я обвела Бога два раза, Я обвела Бога три раза... И что же от Него, кроме Меня, осталось?»

Задание 4. Назовите, за что можно благодарить Бога?

«Его можно благодарить за то, что Он любит Сарру и подарит Ей чулки с черными пятками».

Потом предстояла таблица из: «Дорогой Бог... благодарю Тебя за... Мои отношения с... Моя мать...»

А внизу стояло: «нужное подчеркнуть». Сарра же подумала и поставила на всем этом черный жирный крест и продолжала свое священное писание:

Однако же из-за этой методики профессор Дубильер повесился. Узнав о ней, он долго тряс своею пегой бородой, кричал про какую-то вульгаризацию и профанацию, глотал таблетки, а потом пошел домой. Там он закурил, а когда жена отправила его на балкон, заявил, что уйдет и не вернется. И ушел на балкон, где повесился на своем же галстуке. Все это рассказал нам аспирант Коля Кизимов, стуча зубами.

Я же взяла рыдающую Дину и пошла с ней возвещать по кафедрам о могуществе Моем и Божиим.

— Уверуйте в священную методику, — увещевала Я, — и гнева Господнего избежете, и нехрен будет вешать себя на собственном галстуке.

Смеркалось, кафедры опустошались, Мы с Диной canali по третьему этажу, беседа по мирному делу о расписании божественных уроков. С аудиторий свалило все человеческое, и густая темнота стояла по колено. Вдруг какая-то тень нарисовалась в коридоре. «Он», — сказала Дина и схватила Меня за локоть. «Спокуха», — сказала Я. Он шел прямо на нас в сером костюме профессора Дубильера, в белой рубашке профессора Дубильера, в его же чешском галстуке, торчком стоявшем над головой. Язык свешивался на сторону. Ноги его не касались пола, а плыли в сумерках, скользя по паркету. Дина закричала и упала, Я же думала призвать Бога, но забыла, как Его зовут, и вообще все забыла. А он шел на нас, и язык шевелился, а галстук трепался на сквозняке. И тогда Я, наконец, вспомнила и закричала из Библии: «Изыди», — а дальше вроде бы по-церковнославянски: «Ужоп тебе!»

Профессор открыл глаза и убрал язык. Я же схватила его за галстук.

— Какого шляешься? — задала Я ему вопрос по существу. — Повесился — так и виси.

— Я... я пошутить хотел, — залепетал профессор, — увидел вас, когда вы спускались с четвертого этажа, пробежал по второму и вышел с другой стороны вам навстречу.

— Так ты что ж, не вешался?

— Нет. Зря вы мне тут имидж создаете.
— Ну и мразь же ты, профессор! — сказала Я и затынула галстук потуже. — Может, повесить его, Дина, чтоб не выделялся?

Но профессор выскользнул из галстука и убежал.

И побрела Я домой. Было темно и холодно. На ставке квакали лягушки. И на асфальт передо Мной вдруг выпрыгнул лягушонок. Я взяла его в руки, принесла домой, накормила хлебом, уложила спать. «Эх, ты, — думала Я. — Что ты есть перед Господом? Немочь бледная... Тварь дрожащая... Дитя неразумное... Как Динка... Как Я... Как все...»

Глава 23. ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ ПОЛКОВНИКОВ

Все, что совершено до сегодняшнего дня, — совершил человек и не как-нибудь, а при помощи своего языка. И Я тоже не стала сушить себе мозги, но взяла Свой язык и совершила им войну. Ибо Господь Мне дал приказ идти быстрым маршем на Иерусалим, где пальмы в три обхвата.

Однако же, услышав приказ, Я оглянулась вокруг Себя. И как вы думаете, кого Я увидела? Да никого, кроме всяких евреев. Тогда Я дала объявление в газету, что Мне требуются военачальники. Первым был бомж в солдатской шинели, его звали Вася Спица, он все время смеялся. Он вошел ко мне с громким смехом и сказал:

— Русские умирают, но не сдаются!

Я, конечно, согласилась с ним, что это ихнее личное дело.

— Раньше мы умирали за Родину, за Сталина, а теперь за кого? Захочешь помереть, глянешь кругом — так ведь не за кого.

Он рванул на себе рубашку и перегнулся от смеха.

— Умирает каждый за себя, — сказала Я веско.

Тогда он вдруг заплакал и запел «Раскинулось море широко...»

— Когда я пел, — сказал он, — Лондон плакал. Как Ты думаешь, почему? Потому что я стрелял. Я стрелял сидя, лежа и вприпрыжку.

Это Мне понравилось, и Я зачислила его на довольствие. Мы теперь стали вооруженной религиозной группировкой, потому что у нас было оружие — слово Господне.

Потом пришел серенький мужичок Лазоркин в потертой тройке с пластмассовыми орденскими планками.

— Я всю жизнь был предан коммунистам, а теперь они предали меня, — сказал он.

— Мы будем продвигаться быстрыми перебежками и закрепляться бронированными ларьками. Мы поставим наши бронированные ларьки не только на Красной площади, но и в Сен-Жермене, в Рио-де-Жанейро и на других площадях мира. И будет там наша русская водка, селедка и всякое прочее изобилие. И если мы не совершили мировой революции против Тель-Авива, то можем совершить ее благодаря ему.

Это Мне понравилось.

— Я вам предлагаю мой боевой опыт старшего политрука для ведения экономической войны на три фронта.

Это Мне понравилось еще больше. Но тут пришло письмо от какого-то Давида Кореша. Он представился африканским пророком и африканским Иисусом Христом, у него было 19 жен и 89 младенцев. Он писал, что сам собирается идти на Иерусалим и не потерпит конкуренции. Иерусалим уже взят им морально, и он никому не позволит взять его физически. Я представила Себе его 19 жен и написала, что капитулирую, если буду двадцатой. Ответа не последовало, и Я решила, что он уступил Мне Иерусалим в обмен на безбрачие. Впрочем, Я ему решила сообщить, что если передумает, то пускай берет этот самый Иерусалим, только вместе со Мной.

Глава 24. ЕВРЕЙСКАЯ КРАСАВИЦА

Много евреев — это много истерик, в крайнем случае, один большой скандал. Вот почему Я никогда не уеду в Израиль. Уж лучше сидеть, куда посадили. Тут, по крайней мере, пока еще не стреляют, а бьют только два раза в неделю, не то что на свободе. Там какая-то «Вечная память» будет нас громить и вешать на заборах. С одной стороны, Я понимаю, что если еврея не погромить и не повешать, то это уже будет не еврей, однако же все хорошо в разумных пределах. А еще Я имею в виду взойти в Иерусалим, хотя теперь и сижу в узилище. Но воскреснет Бог, и расточатся врази в халатах, а пузатые санитарки лопнут и истекнут гноем своим. И Сарра въедет в град Свой возлюбленный при стечении народа верхом на осяти, а осятей будет главврач Бублис. А что такое «Вечная память»? Я спросила своего молочного брата Мордехая, он умный и работает в коммерческой фирме «Отелло и сыновья». Мордехай сказал, что так надо, но если что — он напустит на эту «Вечную память» и Отеллу, и его сыновей, и свой личный

пулемет под подушкой.

Потом он пришел в Мою комнату, и мы стали драться. Он кричал: «Уберите идиотку!» Но все равно делал свое подлое дело. Я царапала его так, что кожа слезла лоскутьями и оставалась у Меня под ногтями. А он бил Меня по Моему большому животу.

Потом Мне стало больно, и живот лопнул. Все обвалилось, рухнуло, загорелось и исчезло. А ребенок был неживой.

Я шла за его гробом, но Меня тошнило. Я подумала, что не дойду до кладбища и лучше проститься с ним здесь. И встала на колени прямо на дорогу. Но мать Моя Сарра Абрамовна Ланина сказала: «Вы только посмотрите на Нее! Вечно Она что-нибудь из Себя выражает!» И Я поняла, что лучше идти. И пошла. Дорога до кладбища была хорошая. Воздух легкий, и все шаталось, и Мне все время хотелось смеяться. Но смеяться было больно, в животе не зажило еще. И потом еще я очень хотела разрыть его могилу, потому что не совсем успела с ним проститься. Но боялась Мою мать Сарру Абрамовну Ланину, чтобы она не сказала: «Вы только подумайте! Такой пассаж, а Она выпендривается!»

Придя с кладбища, мы сели делать поминки, потому что прилезло много всяких людей. Мы сели за стол и стали поминать Моего сына, какой он был маленький, синенький, мертвенький. А Моя мать Сарра Абрамовна Ланина сказала: «Теперь вы видите, какие мы евреи! Мы же таки поминаем! А где вы видели поминального еврея!» И Я перекрестилась. А потом запела:

*В сагу ягоду калинку подловили,
В сагу ягоду калинку завалили,
В сагу ягоду — плачут гег и баба,
В сагу ягоду — калинка умерла.*

Но теперь Я знаю, что такое «Вечная память». Это просто мастерская по изготовлению могильных памятников из мраморной крошки. А вообще, один из Моих родственников царь Давид в начале каждого псалма говорил прямо и откровенно: «Начальнику хора. Для исполнения». А Я скажу еще прямее: «Главврачу. Для инъекций».

Глава 25. САРРА ВЫСОКАЯ И ЧИСТАЯ

Всеблагое повествование жены-мироносицы, блаженной во Сарре, Джунты Негодайкиной:

Адольф Шпуллер растворился в голубом тумане вместе со своими только деньгами, коричневым пиджаком, белыми брюками и улыбкой на все сто сорок четыре зуба, у нашей дорогой Сарры осталась эта гойка Елена Криволапова. Она уже свалила от белых братьев и заделалась пророчицей и целительницей. Работала она в малом предприятии «Этика», что делает двуспальные кровати, числилась мотальщицей-крутильщицей, на самом же деле пророчествовала и целила в своем кабинете, но не было на то благословения Сарринога.

Она мне сразу не понравилась одеждой своей и глазами своими, чернью обведенными. В глазах была тоска, а вокруг истерика. Она вырядилась в черное вырезное платье с крестами и бусами. Разве могла наша дорогая Сарра явиться пред лицо Господне в бусах и крестах с вырезом до пупа?

Она показалась нам в телевизоре. Мы лежали в узилище нашем на своих койках, влажными простынями застеленных. Сарра, Богоматерь наша, сына своего утратив, чувствовала себя плохо. Я только собралась изобразить наставнице моей танец с членами бюро обкома партии, а Мать наша посмотрела на меня и сказала строго:

- Видела я твоих членов в одном месте. Ты мне лучше па-де-труа изобрази.
- Сарра, Ребекка ты наша, для этого три балерунки надо. Как же я сама-то?

А мать наша посмотрела на меня испепеляюще.

— Была бы у меня вера хоть с горчичное зерно, ты бы танцевала за каждую балерунку по очереди.

Так протекала наша мирная беседа, когда эта гойка вошла в телевизор и уселась там, в собачьем ошейнике на голове.

— О, люди! — закричала она, и кресты зазвенели. — Я летаю! Первый раз я летела в черном небе, и звезды горели, как солдаты на параде. Другой раз небо было синее, а звезды расположились, как им хотелось, что мне понравилось. А когда я летела третий раз, шел дождь, и все небо затянуло черными зонтами.

- Чтoб тебе твою черную дыру затянуло, — сказала Сарра, лежа на своей койке.

— И что это значит, люди? — спросила Криволапова, вскакивая и ломая руки. — Это значит, что я вхожу в контакт с горним миром. Для этого есть разные способы: через богиню времени Тару, через летающие тарелки или станции зануления времени.

— Никакой Тары нет, — сказала Сарра веско. — Бутылки уже месяц не принимают.

— Из этого контакта получают видения, божественные лекции, космические семинары. Закройте глаза и мысленно скажите: «Покажите знак цели». Сказали? Теперь вы видите перед своим внутренним взором прямоугольник, разделенный диагональю. Увидели? Теперь медленно входите в центральную точку этой диагонали, пока не появится вторая диагональ, а рисуночек не посветлеет! Все это нужно делать во имя Отца, Сына и Святого Духа, лучше рано утром, натощак.

И тут Сарра, лежа на своей койке, не выдержала этого лежания. И восстала Она с койки и сказала, восклицая, к Елене Криволаповой:

— Ну, ты меня достала.

И, подойдя к телевизору, воткнула палец в розетку, превратилась в свое астральное тело и перенеслась на экран. Вы, конечно, можете мне не поверить, но Сарра же просто кипела от возмущения. Сеанс кончился, и Елена Криволапова уже размышляла за нашу жизнь. Две пряди, выбившиеся из-под ошейника, торчали, как козьи рожки.

— И мне уже говорит моя родная дочка: везде сейчас или спекуляция, или проституция. Ну, родной дочери я дала по шее, а что же делать с вами?

Она воздела руки к небу и повернулась на 180 градусов. И сказала проникновенно:

— Просто мы все затерялись. И устали. Сейчас у нас такая затерянность, такая усталость, просто ужас. Но нужно верить. Вера открывает вход в пролаю, то есть в пятое измерение астрала. И если вы влезли в эту пролаю, то вам сам черт не страшен.

Как раз в этот момент наша дорогая Сарра вышла из Своего астрального тела.

— Елки-палки, давайте разберемся! — сказала Она, разодрав на Себе одежды. — Для того ли наш Господь насылал на нас жаб и змеев, Содому и Гоморру, травил нас саранчой и другими всякими дарами Божьими, чтобы эта гойка учила нас жить из телевизора? Да Я твои треугольники с диагоналями видала в месте причинном, а в пролае твоей все дырки излазила! То ли вещал Мне Бог из тернового кустика?!

Но Елена Криволапова тоже разодрала свои одежды.

— Я не знаю, что там с Тобой делал Господь в терновых кустиках, но в пролае я Тебя не видела, а в астральном теле Иисуса Ты только слегка просматриваешься в виде малого мизинца на левой ноге. И забирай отсюда Свое астральное дело и чапай в свою психушку, из которой явилась.

Сарра же, услышав такие слова, заклокотала и разорвала Свои одежды еще более.

— Так мне чапать? — закричала Она в сокрушении великом. — Мне, которой являлся Господь на реках Вавилонских, на равнинах Аменорейских, ты предлагаешь чап... чап?.. Мне, Мессии богоизбранной и заточенной, — чапать?

Тут к нашей Сарре подошла тетка с белой бумажкой в руке и сказала:

— Женщина, удалитесь, вас нет в программе.

— Моя программа — программа Господа Бога, — сказала Сарра и передала ей всю накопленную энергию. Женщина затряслась, засветилась и улетела в параллельное пространство, а бумажка еще долго парила в воздухе, шурша и выписывая круги.

— Дай руку! — закричала Сарра Елене Криволаповой. — Дай руку, подруга криволапая, бывшая Елена Моя во Христе.

Но Елена руку не дала, а спрятала между ног. Тогда Сарра не выдержала и полетела на нее параллельно экрану, размахивая разорванными одеждками. Столкновение астральных тел casual неминуемым. Я отпрянула в ужасе, предчувствуя взрыв, после которого не только от телевизора, но и от всего мира не останется ни кусочка... Но тут вошел мой муж в виде сожителя и нежно сказал:

— Напешься, соска, и всякую херню смотришь.

И выдернул штепсель из розетки.

Глава 26. КНИГА БЕССОННОЙ САРРЫ

...И покрыли Меня до dna околоплодные воды души Моей. И душа Моя вышла на Свет Божий и взглянула окрест — на кровати, привинченные к полу, и окно с решеткой. Я увидела душу Мою белую, в белой рубашке с рукавами длинными, за спиной завязанными. Заштрикали Меня совсем. Я им слово — они Мне укол, Я им два слова — они Мне четыре укола. Какая здесь проповедь, и зачем Мне ихние вероналы и бурбутанты, я и так Господа вижу.

Вот ночь. Сейчас перестанет визжать Танька Тверезая в соседней палате, и Я выйду на связь с космосом. Космос уже здесь, шныряет по палате. Он Меня научит предсказывать будущее и лечить людей. Мне холодно и мокро, и во Мне звучит голос.

— Почему визжит Танька?

— С ней плохо обращались в детстве. Братя гонялись за ней и загоняли в мусорный ящик. То есть выбрасывали.

— Но как Мне вылечить дядю Автандила, у него чешуйчатый псориаз?

— Псориаз чешуйчатый — значит, чистый. Был бы без чешуи — тогда конечно.

Но они решили, что Я разговариваю Сама с Собой на разные голоса. И пришли делать укол. Я же, лежа на кровати и вооружив сердце Свое терпением, благословляла их направо и налево, вдоль и поперек, руками и ногами.

— Во дает, — сказал санитар, державший Мне ноги.

— Точно патриарх... — отозвался другой.

Этого Я не выдержала.

— Для кого-то, может быть, и патриарх, а для Меня падала. И Христа вашего в гробу Я видела в белых тапочках.

И воскричала Я, и забила ногами по батарее, но они все равно Мне вкатили дозу. И Космос опять подобрался ко Мне.

— Но где бы Мне теперь узнать будущее?

— На станции зануления времени.

И Я иду на станцию. Поле раскисло от дождя. Огромное поле — и никого, только грязные еврейчата с 1184-го километра кувыркаются по нему.

— Это здесь время зануляется? — спрашиваю Я.

— А хрен его знает! — кричат они и разбегаются, как мыши.

Но тут, однако, уже целый еврейский кагал, переходящий в табор. Никто не скажет, где кончается кагал и начинается табор. Мне говорят, что табор — это кибитки. Может быть, когда они кочевали в пустыне с Моисеем, у них и были кибитки, но Мне об этом не докладывали. Но в конце концов, кагал или табор — какая разница, главное, что их много и они галдят. Что с ними сделаешь — они не могут не галдеть и не могут не торговать.

Только о чем они галдят и чем торгуют? Ничего не видно.

— Продажно это дитятко?

— Продажно, продажно.

И продают и продаются, и торгуют и торгуются. А Я ни продаваться, ни купиться, ни торговаться не могу.

— Евреи! Что вы делаете? — закричала Я.

— Не видишь — продаемся.

— Как — продаетесь?

— Продать еврея — не проблема, купить его — огромная трудность. Какой дурак откажется от хорошего еврея, и какой хороший еврей продается до конца?

— Но разве Господь не питал вас манной небесной? Чего ж вы продаетесь?

— На каждого манки не напасешься. Наша Мессия, будь Она проклята, посулила нам обетованную землю, завела и бросила... А нам же надо как-то добраться на 1184-й километр. Вот и продаемся потихонечку.

И Я раскрыла свои объятия.

— О, придите ко Мне, мои многострадальные евреи, и Я успокою вас на груди своей, и напитаю молоком из недр своих, и выведу вас на дорогу огромную.

Но они не пали ко Мне на груди, а схватились за камни и куски грязи за неимением лучшего.

— До чего Ты нас довела, Сарра, дочь Израиля! — закричал самый старый еврей и попытался вырвать бороду, которой не было. — Сидели мы и плакали за Ней на реках Вавилонских, и в полях Маккавейских, кукурузных вопль поднимали, и в парках культуры и отдыха ели мороженое. А теперь сидим на станции, мочимся дождем сверху и снизу, а Ты от нас ушла и Богоматерью заделалась и Бога от молочного брата родила мертвого — а зачем Он такой нужен?

— О, евреи! — ответила Я. — Во-первых, Я не дочь Израиля, а Господа. А во-вторых, скажите спасибо, что Я вас привела хоть куда-нибудь, где вы теперь находитесь. А от кого Я вам Бога родила — это мое личное дело! И вообще — бросьте свои камни и грязь, но не в Меня, а друг в друга, и изыдите на реки Вавилонские.

И они бросили, но не друг в друга, а в Меня, и пошли, но не на реки Вавилонские, а на ближайший базар, где все перепились. А Я сидела на камнях и в жиге, рвала на себе остатки волос и думала: «О, Иегова! Зачем Ты послал Меня именно к этому народу? Неужели не нашлось ничего получше?».

И длинные рукава моей рубашки развевались на ветру — и ныне, и присно, и во веки веков.

Глава 27. КНИГА ШТУРМА ИЕРИХОНСКОГО, Хулией Негодяйкиной написанная

Они одевали Ее, они раздевали Ее, они обмывали Ее и вытирали Ее, они опускали Ее и поднимали Ее. Но настал день — и они отпустили Ее, и восстала Она, облачилась

в одежды чистые без талии, хорошо постиранные, и собрала Она воинство многотрудное, многими доблестями вооруженное, веревками альпинистскими препоясанное, и повела Она их на град Божий, на горе стоящий. Но чем больше Она смотрела на Иерусалим, тем больше видела Елену Криволапову, и чем больше смотрела на Елену Криволапову, тем больше видела Иерусалим. И поняла она, что Елена Криволапова есть исчадие дьявольское, которое спрятало град священный в месте сокровенном. И узрела Она, что Господь послал ее, Мессию, взять исчадие Дявола, вознесть над главой своей, раскрыть место сокровенное и извлечь град плененный, иначе нет спасения народу избранному.

И, вызвав своих военачальников, начала готовиться к войне, Елена же Криволапова сидела в своем оплоте — малом предприятии «Этика», обставившись со всех сторон двуспальными кроватями.

Главный военачальник Лазоркин сказал:

— Будем вести длительную осаду. Обложим ее со всех сторон и возьмем измором.

Второй военачальник, лицо определенное, но без определенного места жительства, Вася Спица в солдатской шинели, хихикал и крутил усы.

Но Сарра решила посоветоваться с Богом. И Бог все сказал: «Делай так, как Иисус при осаде Иерихона».

— Но разве Иисус Христос кого-то осаждал? — удивилась Сарра.

— То не Он, а Его однофамилец, — ответил Бог.

И Сарра, полистав свою карманную Библию, поняла, что нужно делать.

— Вначале нужно принести жертвы, — скомандовала Она.

И сделали жертвенники с рогами и пригнали коз и овец, и Бог давал указания:

— Сделай поперечный разрез и высоси из него кровь и покропи той кровью на рога жертвеннику. У козы обрежь печень и почки и вознеси их, потрясая, ибо это жертва потрясения, приятная для Господа.

И Сарра, стоя у жертвенника, обрызганного кровью, долго трясла козьими потрохами, поднимая их все выше и выше, перекидывая с руки на руку, пока не увидела, что уже хватит. Тогда оборотилась Она к своим военачальникам:

— Пусть каждый возьмет свою коду и вдоль стен круги нарежет. Пусть круги нарежет шесть дней и все время дудит в трубы иерихонские, Господом заповеданные.

И так они круги нарежали и трубили в горны пионерские шесть дней и ночей. На седьмой же день взяла Сарра печенки свежие и вознесла над головой непокрытую и возгласила:

— Трубите! — и трубили.

И возгласила:

— Кричите! — и кричали.

И так семь раз, и по семи раз семь. И рухнули стены неприступные, и рассыпались подъезды могучие, и вылетели двери дерматиновые, и развалились кровати двуспальные. И восседала в прахе и запустении Криволапова окаянная, до пояса обнаженная, и вопрошала дерзновенно:

— Почему печенку продавать будешь?

Ибо дух Мамоны был сильнее в ней Духа Господнего и Дьявольского.

И взяла Сарра ее, и подняла над головой, и рассекла мечом место сокровенное, и выпал оттуда Град Божий и перед Саррой смиренно стал. В Сарру же вселился Дух Божий, и Она стала пророчествовать. И в Лазоркина вселился Дух Божий, и он стал пророчествовать. И в старого бомжа тоже вселился Дух Божий, и он стал пророчествовать. И в Елену Криволапову вселился Дух Божий, и она тоже стала пророчествовать. И во все войско Саррино вселился Дух Божий, и все солдаты запророчествовали. И несли они такое, что жутко пересказать, будто всех вскоре то ли совсем обрежут, то ли вырежут, а потом то ли посеют, то ли засеют по всему лицу земли, и посев соберут ножницами железными, и небеса сделаются каменными, и камни те будут плакать кровью, а звезды пойдут солдатским строем в черную бездну.

Сарра же пророчествовала вначале матом, когда же весь мат из Нее вышел, Она изрекла нечто, от чего присутствующие раввины частично поседели, частично побии себя камнями, частично встали в строй и стали пасти самих себя. А из выданных пейсов некоторые предприимчивые дамы сделали себе подушки и продавали их за большие деньги.

Кассету с Сарриними пророчествами купил через швейцарский банк неизвестный банкир и передал в Иерусалим. Там она была прослушана в одну из суббот Синедрионом малым в большом секрете, после чего весь синедрион в полном составе поступил в Тель-Авивский психоневрологический университет для пожизненного обследования. А главный раввин Иерусалима под страхом отлучения, изгнания, а также в связи с дефицитом мест в психиатрических клиниках государства Израиль запретил прослушивание кассеты. Кассету заключили в Ковчег Завета, а затем извлекли с вели-

чайшими предосторожностями и сожгли на Стене Плача с ритуальными телодвижениями и песнопениями. Пепел развеивали два года по всему государству Израиль из расчета 2 грамма на гектар.

И после этого они еще говорят, что наша Сарра не Мессия!

Глава 28. ИЗВЕРЖЕНИЕ МОЕ

И был вечер, и было утро — день второй. И был вечер, и было утро — день третий. И был вечер, и было утро — день четвертый. И сколько можно пить... Пора сваливать.

Ибо Я теперь — как Адам: голая. И в Раю Моем всем гадам дам названия. Вон крыса бежит, переваливается. Вон собака дохлая, машиной перееханная. Вон чердак, по углам обсосанный. Вон Я лежу — как Адам, голая. Однако пора сваливать.

Но где одежды Мои? Кто теперь жребий мечет об Моих ризах? А, вот они, спокойно лежат в уголку, в аккуратненькую стопочку сложенные — и ризы, и трусы, и сапоги. Только кто же их так сложил? Никто, как Бог. И правда, пора сваливать. Кисло. Гадко. Нет сил. Лежу на жужелке, вся поколотая — хоть бы простынку подстелили, дураки.

Или во испытание вы мне послали эту крысу? Но крыса ли знает Божью волю? Сидит и нюхает Меня. Сидит и нюхает.

- Сколько сейчас времени? — спросила Я.
- Откель я знаю? — сказала крыса.
- Ну, хоть утро или вечер?
- А хрен их поймешь...

Теперь уж точно — пора сваливать.

Это, кажись, лестница. Пойду по ней в Царствие Небесное. Ну ладно, хрен с ним, со временем, лишь бы магазины работали. Ветер точно стебанулся, как в Содоме и Гоморре. Пустые Мои карманы. Куплю себе гороху в банке стерилизованной.

- Две банки гороху, — приказала Я продавщице.
- Двадцать шесть рублей.

Пойду, сяду, пожру. Ветер Меня качает. Гадко Мне. Кисло. Где вы, бывшие со Мною? Вы оставили Меня, бросили, отреклись, хотя петух еще и не кукарекнул. И одна Я теперь, одна, как кукушка в пустыне, кукую, кукую, а на хрена? И что это у Меня за банки?

- О Господи! — кричу Я. — Это рубленая капуста!

И правда — капуста на этикетке! Десять рублей за банку, десять, а не тринадцать!

— Сволочи! Не нужна Мне ваша капуста! Не нужна! Вот вам! Вот вам... — банка летит на асфальт, хряскает, и другая за ней. Ощериваются стекла, бледная, липкая капуста растекается по асфальту. — Не нужна Мне ваша капуста! Вот вам! — и топчу я капусту ногами, а потом падаю на колени. — Господи! — кричу Я. — Ты видишь, что они делают со Мною? Это капуста, Господи, капуста, а не горох. Порази их, Господи, сотри с лица земли и ихний магазин, и ихнюю капусту.

Тошно Мне, тошно! Тошнота подступает к горлу, в глазах скачут осколки банок, и что-то выхлупывается из Меня и шлепается на асфальт — огромное, слюнявое, с мерзким запахом.

- О Господи! Это капуста! Откуда, откуда, Господи, во Мне капуста?

И ответил Мне Господь:

— Не понтуйся, Сарра, все идет по чертежу. Рубленая капуста есть народ Израилев, заключенный во чреве Твоем. Ты извергла из Себя народ Израиля. Я же напихну в Тебя народ более избранный посредством гороха.

- Господи, но где же взять горох?

Я побрела по улице, влезла на высокую гору и по дороге говорила:

— О, народ Израилев и равнины пейсатые и красавцы усатые! Что вам до Сарры, что Сарре до вас? Все вы есть лишь рубленая капуста, из чрева Моего извергнутая!

И увидела Я на горе раввина Мышедохела, и он Мне сказал:

— Сарра, Ты опять изрыгала рубленую капусту совместно с вином «Перлина степу»? Пойми, Сарра, что капуста со смальцем есть кошерное, а капуста с маслом оливковым есть народ наш излюбленный. И вообще, изыди, женщина, ибо ты нечиста.

И пошла Я с того кургана, проклиная раввина, ибо более пейсатого гада в жизни своей не встречала.

Глава 29. ХРИИ НАШЕЙ ПРЕПОДОБНОЙ САРРЫ, ОТ НЕЕ САМОЙ УБЕРЕЖЕННЫЕ

...Если ближний поставил тебе бланж под правый глаз — поставь ему два под левый.

...Молись за врагов своих, а друзей посылай подальше.

...Но если Ты родилась Богоматерью, то это не значит, что у Тебя на свадьбе должен играть духовой оркестр, а на похоронах — вокально-инструментальный ансамбль.

...Явился Мне некий человек с кимвалом, то есть скрипкой, и стал искушать Меня пиляканьем своим. Надела ему кимвал на голову и охвостья фрака на шее завязала.

— Изыди, — сказала Я. — Музыки Я не приемлю, она от лукавого. От Бога только стенания и песнопения. А лукавого Я три раза призывала, но он не явился, ибо убоился лица Моего и очканул.

...Не приставайте ко Мне с вашими апостолами, не могу Я их перечислить и не все буквы в алфавите твердо знаю, а запятые ставлю Себе в удовольствие. Я сама Себе апостол, а вам всем аминь.

*...Взгляну на родные овины —
И слезы из глаз потекут,
Равнины, равнины, равнины
По чистому полю бредут...*

Вы спросите Меня, что может делать раввин в чистом поле? А Я на то спрошу, что это за раввин, если он не знает, что ему делать?

*...Он лежал весь синий.
Показалось — гражданин России.
Повели к раввину.
Оказалось — с Украины.*

...Я долго думала и поняла, что славяне и иудеи — самые вредные люди, ибо отвергли они Меня и не поняли они Меня, отторгли они Меня и не слушали они Меня. Уж лучше папуасы — они хоть и не поймут, но хотя бы приютят, дадут какую-нибудь пирогу. И поведу Я их по волнам Австралии, с пальмовой ветвью в зубах и пером страуса в голове. Ибо Я есть Сарра, спасение всех эфиопов черных, белых, полосатых, борода-тых и усатых, и сестры Своей, и брата, суперменов и аббатов, внухов то есть. Ну, тут я забрехала. Аминь.

Глава 30. КНИГА СУДЕЙ ПОНТИСТЫХ

Сарра же надела платье новое, крестами и звездами изукрашенное. И не просто так Она его надела, но села в нем в автобус. Сему же была цель выпрениния и прикровенная, ибо автобус тот, благословенный Господом между автобусами, доставил Сарру к Понту Азовскому на сходку целителей и пророков, дабы купаться в этом самом понте и обмениваться опытом.

Поместили Ее с Божьей помощью в одну комнату с ведьмой. И ведьму ту звали Сандра Казарма, а вообще Оля.

Сарра же не стала обличать ее, но, порог комнаты переступивши, покачалась немного над кроватью и упала на нее, как Давид на Голиафа, не снимая Своего платья. И ангелы вострубили в душе Ее.

Проснулась же Сарра от запаха горящего кизяка. Сандра Казарма, в джинсах и в цепях, стояла над Ней, размахивая ржавым кадиллом, и бормотала:

— Дом потешен, голод в нем развешен, дети пищат, жрать хотят. Ты, изба, не вертись, а ты, притолока, не свихнись...

— Закрой варежку, — сказала Сарра, решив, что Она послана в Ад проповедовать Себя и Свое учение.

— Варежка варежкой, а бухать больше не будешь, — сказала Сандра Казарма, а вообще Оля. — Я белая ведьма, исцеляю молитвами и благодатью. А ты — крольчиха моя сакральная, от запоя исцеленная.

Они подружились, и ведьма объяснила Сарре, что проникла в тайну человеческой природы.

— Человек произошел не от обезьяны, а от кролика, — говорила Сандра Казарма, а вообще Оля. — Он и остался кроликом, такой же слабый, длинноухий и красноглазый и любит размножаться. Однако в духе моем они очищаются, то есть становятся чистыми, отмываются от всего земного и соскребают с себя все грешное, как мочалкой... Короче, лечить их можно только медитацией.

Потом Сарра видела эту медитацию на той тусовке. Там Сандра Казарма, а вообще Оля, усаживала перед зажженной свечой двух сакральных кроликов противоположного пола, заключала их в объятия и говорила:

— Смотрите на свечу... Представляйте свою мать... Поговорите с ней о чем-нибудь

приятном... Мысленно зажгите такую же свечу у нее на затылке.

- А у меня живот болит.
- Зажгите такую же свечу на расстоянии двух пальцев от пупка.
- А у меня нематочная.
- Зажгите такую же свечу у себя на копчике.

Сарра быстро освоила медитацию, хоть и называла ее мудацией. Сандра Казарма уже уверовала в Сарру, Мессию, и исцеляла во имя Ее.

Но тут подкрался завал в виде Марии Дэви Христос, еще одной богини. Вошедши на семинар в белой чалме, в белом балахоне с четками за поясом и с архиерейским крестом на пузе, она не стала ни молиться, ни медитировать, но скривила свою нюхалку и заявила:

- Ф-фу...
- И вышла за дверь.
- Но куда она ушла? — удивились одни. — Может быть, молиться?
- Но где тут можно молиться? — возражали другие.
- В комнате администратора!
- Но кому там можно молиться?
- Администратору.

И тут она явилась снова.

— Воняет тут у вас, — сказала она. — Нечистым духом воняет. Ибо нечистый в вас сидит и разлагается и воняет. Ибо вы — приспешники Дьявола, я же — Мария Дэви Христос, Бог живой. Я есть Альфа и Омега, первый и последний, и судить я вас буду в свой последний судный день.

Сарра же не роптала, как евреи в долине Иерихонской, но кротко спросила:

- Ты что ж, сучка, прокурором заделалась?
- Я есть небесный прокурор Мария Дэви Христос, Я есть Бог Живой, Альфа и Омега.

— Слушай, ты, Мария Девка Христос, вали отсюда, а то ты у меня Альфой подавишься, а Омегу выплунешь. И какой же ты Бог Живой, если ты уже повстречалась со Мной, а значит, ты уже не Бог живой, а полуживой, в крайнем случае, покойный.

— Ладно, я свалю, — вдруг неожиданно согласилась Мария Дэви. — Но мечь моя ждет Тебя дома.

И Мария свалила. Сарра же, впечатлившись, полетела домой на специально избранной Богом электричке. И думала Она о Сане, муже Своем во Христе. И, открыв дверь, увидела в прихожей неизвестные красные босоножки и чужую сетку с луком. И мысли Ее разбежались, как мыши с корабля тонущего, и стало в голове Ее пусто и страшно. И встала Она, остановившись.

Войдя же в спальню, увидела Она супружескую постель, разбросанную и перепутанную. И поверх этой постели спал Ее Саня, подняв бороду к небу. А на его руке спала, прикрывшись одним только желтым лифчиком, Сандра Казарма, а вообще Оля.

— О Боже, что это? — возопила Сарра. Саня разлепил один глаз, посмотрел на Сарру и закрыл его. — О Боже, что это? — еще громче возопила Сарра. Сандра Казарма пробудилась, подняла всклокоченную голову и попыталась прикрыться подушкой. — О Боже, что это? — и вопль Сарры разверз небеса. Сандра Казарма, надев платье, тихо пробиралась к двери.

— Это медитация, — бормотала она. — Цирроз печени... зажечь свечу на лобке... кролик ты мой среднеазиатский пушистый....

— Я тебе дам мечудацию с чужим мужем! — сказала Сарра, трясаясь и бледнея. — Я тебе сейчас зажгу свечу на твоём лысом лобке, и будет тебе мечитация. Я ж перед тобой все чакры открывала, Я ж тебе, как страус, верила, Я ж с тобой за жизнь разговаривала, за Саню моего, за Бога Моего — и что ты Мне за это сотворила? И как Я, бедная иудейка, бедная христианка, лягу теперь в Мою оскверненную постель?!

— Никак, — пробормотала Сандра Казарма, а вообще Оля, и, разведя руками, убежала.

Саня же крутил головой и тер глаза. Сарра же повалилась на оскверненную постель и долго каталась по ней, рыдая и выдирая перья из подушек. И кот, проголодавшись, орал благим матом, и Сарра рыдала, и Саня сидел, глядя перед собой, стучал кулаком по столу и кричал неизвестно кому:

- Да заткнись ты!

А наутро они отправлялись в село проповедовать, и брали с собой кота, и кот проповедовал, пока его несли по улицам, и орал, пока его везли в автобусе. Кот проповедовал, а Сарра рыдала, и было это так чувствительно, что по дороге около них образовалась секта котоведов, которая долго не давала сесть в автобус.

А приехав, Сарра вроде бы успокоилась и проповедовала со слезами, но ночи их были не ночи, а огромные поминальные всенощные, и всю ночь напролет Она говори-

ла о том, что прелюбодеяние есть смертельный грех и что Бог Саню убьет и приберет. И не выдерживая этого ужаса, Саня убежал от нее за дом, в туалет, и прятался там, а Сарра стояла под туалетом, билась головой о неструганные доски, выкрикивала дурным голосом библейские стихи о прелюбодеянии и заливалась слезами.

— Кролик ты Мой ветхозаветный, — говорила Она. — Кролик ты мой ветхозаветный, у сердца пригретый, под сердцем возвращенный... Что же ты, кролик, наделал?.. Ты потерялся один, как потерялся один Иуда, когда он изменил Господу нашему в садах оливковых.

Глава 31. ЕЩЕ ОДИН ПЛАЧ САРРЫ

Внемли на слезы мои, Господи. Уже третий тазик наплакала Я, а Ты хотя бы оглянулся. Внемли на стоны Мои, Господи.

Стены дома Моего расшатались, прохожие разбежались, а Ты не внемлешь.

Доколе же Мне раздирать одежды Мои, Господи! Я уже изодрала два спальных гарнитура, четыре ночных рубашки, не считая пододеяльников, а Ты не внемлешь. Говорят, что надо взывать к Тебе из терновника, — но где Я его найду? Говорят, что надо питаться медом диких пчел, — но как Я узнаю, что они дикие?

Приди на грудь Мою, внемли и осуши.

Глава 32. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Я, умная, красивая, богомольная, шла по улице и думала, какая Я умная, красивая, богомольная. Ноги Мои — столпы Иерусалимские, в новые босоножки обутые, тело Мое — гора Аменорейская, в платье розовое одетая, крестом на пузе осененная, уста Мои — озера Евонские, французской помадой покрашенные.

И что же Я, умная, красивая, богомольная, увидела на этой самой улице? Да на каждом углу там висела Мария Дэви Христос, в попоне своей и в чалме своей с кочергой железной в руке своей, четками обмотанной. Висела она и всех благословляла и пыталась делать умное лицо. Но после того, что она сотворила с Саней, мужем Моим во Христе, Я не очень хотела с ней связываться. Однако она так смотрела на Меня с желтой стены, что Я решила не проходить мимо. И сказала:

— Ну, что, Ленка криволапая, висишь?

— Висю, — сказала она. — То есть вишу. Но к Тебе, Сарра, я ничего не имею. Ты уже свое получила, тем более что Ты — моя однофамилица, я Алла Цвигун, а Ты Сарра Цвигун. Ну, и делов куча.

Я же, конечно, к ней кое-что имела, но пока решила отложить это дело и посмотреть на нее, что от нее будет.

— Я тут, Сарра, последний срок покаяния назначила на 1 июня, а конец Света — на 28 ноября. Как думаешь, успеем приготовиться?

— Да знаешь, Алла, нам этих сроков столько давали, что мы уже ко всему готовые. А конец света был в прошлом году.

— Ну, ничего, я им свой конец света устрою, раз уж назначила. Надо пойти, однако, людей приготовить. И ты, Сарра, пойдешь со мной.

Мне же как раз Господь дал свободное время, и Я согласилась.

И погрузились мы во чрево двора, глухого, как колодец, слепого, как слепая кишка.

— О, люди! — закричала она. — Про Бога вы уже все знаете, про Иисуса с Марией тоже. Я же Мария Дэви Христос, Живой Бог и одновременно Мать Мира, и все сущее я породила из своей утробы, и я же убью в конце света, который назначила на 28 ноября! Но убью я не всех, а только тех, кто не покается до 1 июня.

Нас уже окружило несколько женщин, побитых жизнью, и из окон стали высовываться люди.

— Времени мало, видите ли, — говорили они.

— Покайтесь, — надрывалась Алла. — Разбейте ваши омофоры, разрушьте ваши синедрियोны и не каркайте на Бога Живого! Сдавайте лучше деньги на мой гроб для моего упокоения в месте рождения моего в деревне Косоротово.

И она вынула из складок попоны целлофановый кулечек. Но он вернулся к ней пустым. Только откуда-то сверху упали две мятые бумажки. Это ее привело в ярость.

— Блин, на гроб себе не собрала, — раздался голос сверху.

— Вы не хотите сдавать деньги мне на гроб! Тогда я вам покажу, на что я способна, — и она обернулась ко Мне: — Вот перед вами Сарра Цви, бывшая Мессия. Она тоже не хочет каяться, и сейчас вы увидите, что с Нею будет! Я превращу Ее... превращу в змею, соблазнившую Адама с Евой, чей образ Она носит в душе Своей и чьей подсобницей является.

Это было уже слишком.

— Мать твою за ногу! — сказала Я ей. — Да если б Я знала, какое ты запаadlo затеяла в сердце своем. Лепишь из себя Мессию, а сама не знаешь, что омофор — это головной убор, к тому же небьющийся. И какая ты Мне однофамилица после этого? Не буду Я тебе каяться, не буду сдавать деньги тебе на гроб, сама зарабатывай. Как человек.

Тут Я почувствовала, что руки Мои к телу прирастают и ноги Мои срстаются и сама Я змеиной чешуей облекаюсь. Но не уползла Я в облике змеином, а обвилась вокруг дерева.

— Вы, черные псы, хитон мой раздираете, деньги на гроб мой не сдаете, и вот что вас ожидает! — бесновалась Алла.

Но Я собралась с силами и с дерева бросилась на нее и вонзила в нее жало. И от укуса Моего она превратилась в древесную лягушку.

— Сдавайте деньги на ква... — квакнула она в темноте.

А кулек ее сиротливо лежал в сторонке. Женщины, побитые жизнью, разбежались. Свет в окнах потух. Было темно и страшно. Я сползла с дерева. Алла же квакала, плакала и просила превратить ее обратно. Я же ползала на пузе вокруг нее и говорила, что не могу никак в этом змеином образе превратить ее в нее, пока она не превратит Меня в Меня. Алла же прыгала вокруг, рыдала и говорила, что она бы с удовольствием, но только она не может превратить Меня в Меня, пока я не превращу ее в нее, и роптали мы к Господу.

— Заткнитесь вы, — раздался голос откуда-то сверху.

И мы заткнулись.

Глава 33. ВОПЛОЩЕНИЕ. ИСХОД

Я собрала тех, кому за 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 110 и 120, и повела их за собой, потому что нет им, кроме Меня, спасения. И повела Я их в кусты райские, и там с ними воскресение имел, и не было нам ни печали, ни воздыхания. И въехала Я в Иерусалим на белой верблюдице.

«Сарра, почему Ты голая?» — спрашивали Меня.

А Я отвечала: «Я не голая, Я воплотилась».

Глава 34. СВЕТИТЕЛЬНИЦА ГОСПОДНЯ

Наступают дни последние, окаянные, и нет мне ни печали, ни воздыхания. И вспомнила Я, как сидели мы с Саррой нашей непорочной под лопухами обнявшись, в платье синем, разорванном пополам. И спросила я Ее:

— Мать моя, что ж Ты удумала? Ну ладно, терпели мы и монастыри, и христианство Твое, и тела астральные, и Шпуллера иностранного, и Саню прибацанного, и шоки разные электрические. Что ж Ты, мать наша горькая, удумала?

А Она мне так строго изрекает:

— Изыди.

— Это куда же я от Тебя изыду? — говорила я. — Разве не для Тебя забыла я холлы музыкальные, рестораны темные, любовников покладистых? Не для Тебя ли сижу под этим лопухом нечистым?

— Изыди.

— Ну вот, опять Свое «изыди» заладила. Ты мне толком объясни.

— А что тебе, Жанна, объяснять, если трижды собака не пролает, как ты от Меня отречешься?

Вот тут я уже совсем из пределов вышла.

— Что Ты меня собачишь, песьим именем обзываешь. Вон их сколько бегают, и каждая лает и кусается. Ты мне толком объясни.

А она опять:

— Изыди. Изыди, — и растворилась.

Тут я точно поняла, что сроки приблизились. И вижу — возлежит наша Сарра возлюбленная с Машкой Дэви Христос непотребной на земле совсем голая в образе змеином, словом Божиим заткнутая, и не вертухается. А что Она шипит и в кольца свивается — так то Она Свое астральное тело к Себе подманивает. Машка же, квакая шепотом, тоже зовет свое астральное тело бесстыжее.

Но вот небо засвистело, и деревья зашевелились, и дома потрескались, и вот — летит Саррино тело прекрасное, лучами осиянное. И вошла Она в оболочку Свою астральную и полетела.

И деревья не дрогнули, и дома не потрескались, и небо фыркнуло — а к Машке непотребной астральное тело приконало. И вскочила она на свое астральное тело в личине лягушачьей, и оседлала его, ибо в нетерпении была и некогда ей было вовнутрь залазить, и взвилась. И так они наперегонки летели, и наперегонки сами в себя пре-

вращались, и наперегонки спешили конец света сделать, ибо сроки близились — 28 ноября на календаре стояло. И летели они над километром 1184-м и людей окликали. И Машка та Девка Христос сразу на стадион бухнулась, а мать наша Сарра круги почета над стадионом нарезала, чад Своих возлюбленных высматривая.

— Где ж Ты видела, Сарра, чтоб конец света на стадионе делать? — качала головою Машка, снизу глядячи. — Нет у Тебя никаких прав на этот конец света. Я его придумала — я его и делать буду.

А мать наша все круги нарезала и слово золотое изрекала.

— А пошла ты, Машка. Я здесь родилась. Я здесь выросла. Я здесь и конец света делать буду.

— Нет! — возопила Машка, на поле футбольном сидючи. — Конец света — это мое дело! А ты, мразь, ко мне не примазывайся.

Так они долго беседовали, пока не пришло время. И взошли они на стадион, и стали друг против друга. Тут горны пионерские вострубили, и собаки возлаяли. И я появилась. Тут наша Сарра возгласила:

— Иаков ты наш возлюбленный, князь подзаборный Египетский, восстань из подвала!

И восстал тут князь Иаков из урны мусорной с воинством своим бешеным, и окружил Сарру кольцом крепким.

— О, люди! — возвала Мария Дэви Христос. — Придите ко мне и покайтесь, ибо дни ваши исполнились. А кто не покается, тому я конец света покажу.

Тут выступил Иаков пред воинством своим.

— Ну, — говорит, — Машка, показывай.

— Я, Мария Дэви Христос, Матерь Божия, пришла судить этот мир и отделять грешных от праведных. Грешных я сейчас изничтожу, а праведных в количестве 144 тысячи человек одену в белые одежды и поведу с собой на небо.

— Материи у тебя, Маруся, не хватит, — сказал преподобный Иаков, отвернулся и еще раз плюнул.

— Что ты людей дуришь? — возроптала на нее Сарра. — Если ты такая мать-перемать, так отвечай за свои слова.

— А Ты отвечаешь?

— Я-то отвечаю, — веско сказала Сарра. — И не мешай Мне. Меня Господь призывает.

Тут второй раз собаки залаяли, а я диким голосом возопила:

— Мать наша Сарра, удались со стадиона, места окаянного, ибо чую муку Твою последнюю.

А Она мне все «изыди» да «изыди» отмазывает.

Тут третий раз собаки залаяли, душа моя напополам треснула, с домов штукатурка посыпалась, у телевизоров лучевые трубки погорели, а из утюгов дым пошел. А меня какой-то мильтон за ногу схватил и в участок волоочь начал. И не выдержала я.

— Отрекаюсь, — говорю, — отрекаюсь.

И на пороге каталажки ихней отреклась в третий раз окончательно.

— Не знаю я Сарры такой, в глаза Ее не видела и нюхом Ее не нюхала.

Меня палкой резиновой оприходовали, а что дальше было, мне Дух Святой сообщил.

И возвала Сарра помост и насобираала хворосту по стадиону. Тут равнины пришли, синедрионом своим Сарру окружили. И возгласил самый молодой и самый пейсатый:

— О, Сарра, дочь Израйя! Что творишь Ты с телом своим! Мало Тебе, что с духом сотворила — и к Христу бегала, и к Магомету летала, и с Мормонами прелюбодействовала. Разве не знаешь, как взыщется погребенье огненное в двенадцати коленях Израйлевых?

— Фиг тебе, гроб поваленный, — возгласила Сарра и в нос его хворостиной тыкнула. — Я тебе, сучок иерихонский, последние пейсы повыдергаю. И чего ты меня пугаешь своими коленками Израйлевыми? Я не знаю, у вас их 12 или 14, и половину вы потеряли еще при Вавилоне, но у Меня есть две коленки, и Я ими вас задаваю. Откуда знать тебе, масло лампадное, протухлое, какой путь Мне Господь возвестил на небо? Ибо разве не через кустец огненный Иегова с Моисеем беседовал?

— Сарра, Вы же не Моисей, — возвестил равнин лет средних. — Вы же всегда были разумная женщина, и что Вам в этом огне хорошего? Мы хоть Вас и не очень уважали, но не считали за глупую пророчицу. Ибо одно дело, когда в огне жарится курица, а другое — еврейка.

— Кимвал бряцающий, — возопила Сарра, — Я тебе сейчас такую курицу изжарю, что будет тебе весь твой пейзаж опаленный и маца воскипит в кишечнике твоём.

И отступили равнины, бородами востряся, бормоча проклятия разные, из Талмуда позаимствованные.

И отошли люди от Марии Дэви Христос и обратились к Сарре. И Сарра, видя это, воспрянула духом и сняла одежды, одно белье пока Себе оставив. Мария же бесстыдная, всеми брошенная, стала быстренько таскать доски и собирать хворост, но Сарра ей хворосту не оставила, и бродила она по стадиону, раздирая одежды свои, имея в руках только шесть жалких палочек.

И Сарра белье свое сняла и перед костром встала. И видела Она стадион полный, глазами на нее обращенный, и серое небо, на Нее глядящее, и деревья жалкие, осенние, вокруг Нее стоящие, и радовалось Ее сердце. Факелы у раввинов потрескивали, раввины качались, молитвой охваченные. И шумело около Сарры пламя, и внутри у Сарры шумела кровь. И поднималось сердце Ее в груди, и видела Сарра Марию Дэви Христос, свои шесть палок бросившую, и небо, и Бога, на небе сидящего с Христом и Девой Марией по бокам, а рядом Вшива с Рамой обнимается, а африканский пророк Давид Кореш жмет руку Заратустре, а над ними Дух Святой летает. И сказала Она:

— Слышишь, ты, Машка, возьми ты эти свои шесть палочек и заткни их себе куда сама хочешь.

И взяла тут Мать наша Сарра у царя Египетского коробок спичечный, поцеловала его и воззвала:

— Отче небесный, разве не видишь, как Я мучаюсь, разве не видишь, как Я для Тебя стараюсь. Работала Я для Тебя пророком, поработаю у Тебя светильником. А вы, люди, веруйте в Меня и Господа тоже не забывайте.

И хворост разожгла и в огонь вступила. И Сарра исчезла в огне, и боль охватила Ее, и крик исторгся из Нее, и забыла Она все, и летела все выше и выше, и вдруг поняла, что исчезнувший Адольф Шпуллер в Саню, мужа Ее во Христе, воплотился, но забыла об этом и вознеслась над стадионом и над 1184-м километром и смотрела вниз, и дома были спичечные коробочки, а люди были комашки, дороги были ниточками, и было все такое маленькое, серенькое, жалкое — Господи Боже Мой! И летела Сарра и плакала, и чем выше поднималась, тем горше плакала.

Внизу же началось землетрясение, и из костра нашей дорогой Сарры вылетела голубка, и закричала та голубка человеческим языком:

— Мать вашу за ногу!

Сарра быстро прописалась в Царствии Небесном и навела там порядок истинный. И дала Она поручения Сыну Божьему.

— Слышишь, Иисусе, дело есть, — говорила Она. — Завтра, кажись, Твоя очередь воскресать и прогуливаться. Так найди среди живых Марию Дэви Христос, вытри ей слезы и прочие места. И скажи — пускай скорее возносится, а то Мне без нее скучно. Скажи — это очень просто: прыгнешь в пламя, рот пошире откроешь, и все — хана зверушке.

— Знаешь, Сарра, — сказал Иисус. — Пошла Ты туды сама.

А когда меня из каталажки выпустили, ходила я на этот стадион и в девятый день, и в сороковой, и через полгода, и через год. И ничего на том месте не было. А встретила я мать нашу Сарру на день 1144-й на помойке жэка №5 в образе нищенки, но в одеждах белых. И говорила Она:

— У чукчей нет и не может быть Сарры. Могу ли Я воззвать к папуасам? Нет. И к евреям не воззову, ибо они гробы поваленные. Поэтому взываю к жильцам жэка №5. Покайтесь и наберите воды в ванны свои, и заткните унитаза свои, и наплюйте на потолки свои, и соберитесь под руку Мою, и поведу Я вас в землю обетованную. И не верьте фарисеям, что далеко до Иерусалима. У Меня всегда под рукой земля обетованная.

И упала я на колени, и обьяло меня свечение разное, а когда очнулась — не было Сарры, только по всей помойке бумажки валялись золотые, фольговые, и дух благоухающий веял, а на деревьях одежды белые реяли.

Помолимся же, братья и сестры, матери Сарре нашей преподобной, ибо больше молиться нам некому.

Послесловие. СИМВОЛ ВЕРЫ

Нет Бога, кроме Бога и пророчицы Его Сарры, на белой верблюдице сидящей. Аминь.